

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1904

Книга пятая

Сергей Савинов

Японская война 1904. Книга пятая

«Емельянов Антон»

«Савинов С.А.»

2026

Савинов С. А.

Японская война 1904. Книга пятая / С. А. Савинов —
«Емельянов Антон», «Савинов С.А.», 2026

Обычно книги о Русско-японской войне – это сражения на море. Крейсер «Варяг», Порт-Артур, Цусима Но ведь в то время была еще и большая кампания на суше, где были свои герои, где на Мукденской дороге встретились и познакомились будущие лидеры Белого движения, где многие впервые увидели знамения грядущей мировой войны и революции. Что, если медик из сегодня перенесется в самое начало 20 века в тело русского офицера? Совсем не героя, а сволочи и формалиста, каких тоже было немало. Исправить репутацию, подтянуть медицину, выиграть пару сражений, а там – как пойдет. Продолжение приключений попаданца на Русско-японской войне. Японцы зажаты в угол, но дадут ли их добить? Или повторится история 1878 года и Белого генерала?

© Савинов С. А., 2026

© Емельянов Антон, 2026

© Савинов С.А., 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Савинов

Японская война 1904. Книга пятая

Глава 1

Порт-Артур, 20 октября 1904 года

Два солдата сидели у заполненной воском и старыми газетами консервной банки. Огонек в ней еле тлел, зато не давал дыма, и его нельзя было заметить издали, а у них появлялся хоть какой-то свет даже под землей.

– Ты слышал? – первый бросил взгляд на загоревшиеся где-то в тылу огни. До смены и возвращения на передовую оставалось около часа: слишком много, чтобы сидеть молча, и слишком мало, чтобы поспать.

– Что? – второй с этим был не согласен и считал, что даже пять минут сна упускать нельзя.

– У меня знакомый работает на офицерской кухне, так там говорят, что инженеры Кондратенко по телеграфу получили сообщение из России.

– Врут, – спокойно ответил второй и начал устроиваться поудобнее. – Как бы они провод мимо японцев протянули?

– Так там радиотелеграф, который по воздуху. Наши японцев подкупили и прямо через тех специальные детали передали.

– А даже если и заработало что, – второй солдат и не подумал менять позу, – то какая разница? Думаешь, у остальных все хорошо? Когда новости еще приходили, так наших только громили. На реке какой-то, потом на железной дороге.

– А потом к нам 22-й полк приходил с Макаровым, – не согласился первый.

– И что? Один Макаров, даже если еще жив, все равно ничего не изменит, – второй уже начал посапывать, проваливаясь в дрему, когда по ушам внезапно ударил сигнальный гудок.

Пронзительно, остро, по-живому! И это была не тревога, просто на перекресток между сожженными складами и землянкой госпиталя первой линии выбрался хромающий поручик. Из штабных, но за месяцы осады разница между ними и полевыми офицерами почти стерлась: никто не отсиживался в тылу.

– Это что, за ним флаг стоит? – удивился первый солдат.

– Пожгли же их все еще в первый месяц, – второй все-таки не выдержал и приподнялся. – Говорят, японцы специально били по всем зданиям, где они висели. Зато теперь понятно, что медсестры шили со вчерашнего вечера.

А поручик тем временем дождался, чтобы побольше людей подобралось поближе, и поднял под самый нос потертый лист бумаги. Все солдаты, даже здесь, на задней линии, предпочитали передвигаться перебежками или под землей, а этот стоял во весь рост, словно приглашая врага ударить из пушек. Вот только японцам, которые раньше бы точно не преминули это сделать, в последние дни стало как будто наплевать на такие мелочи.

– Внимание! Внимание! – поручик говорил громко и четко. – Командование Порт-Артура доводит до личного состава информацию о том, как проходят боевые действия на других участках фронта... Так, в июле под Ляояном русская армия разбила части 1-й армии Куроки, 2-й армии Оку, 4-й армии Нодзу и обратила их в бегство!

– Врешь же... – начал было возмущаться кто-то, но его тут же остановили локтем в бок.

– Тихо! Слушай!

– В августе была проведена большая наступательная операция на реке Сяошахэ! 2-й Сибирский корпус генерала Макарова прорвал оборону японцев, и те были вынуждены отступить к своим позициям на границе Ляодуна и Кореи!

– Это в августе было... – тихо прошептал первый солдат. – А сейчас октябрь... Что же дальше?!

– В сентябре русские войска под командованием генерала Макарова взяли город-порт Инкоу, подавив сопротивление японских частей и потопив 6 миноносцев и 1 броненосный крейсер «Асама», – продолжал поручик.

А народ уже не выдержал, и в толпе пошли шепотки.

– Опять Макаров...

– «Асама»! Мы же его видели во время того боя в августе! Подлый корабль, хорошо, что, наконец, отправился на дно!

– После этого... – поручик выдержал паузу, давая людям успокоиться. – Японский флот привел 4 крейсера для того, чтобы полностью разрушить Инкоу...

– Это конец.

– Там же укреплений нет.

– Жалко.

– Я там служил в прошлом году. Там не то что укреплений нет, там и пушки – старье, и город – как на ладони.

– И 2-й Сибирский корпус отбил эту атаку, потопив артиллерийским огнем еще один броненосный крейсер врага!

Поручик замолчал, давая солдатам осознать эту новость, потому что кому как не им, тем, кто уже столько жил и сражался рядом с морем, понимать, что именно сумели сотворить их товарищи.

– Ура! – закричал солдат, выбравшийся из землянки госпиталя с перевязанной головой.

– Да не может быть! – не выдержал другой. – Нельзя из полевых пушек крейсер подбить! Будь ты хоть Макаров, хоть сам господь бог...

На этот раз смутьяну достался не локоть в бок, а кулак по морде. Впрочем, поручик ни капли не смутился.

– Огонь, потопивший крейсер «Касуга», вела артиллерийская батарея из трофейных 8-дюймовых орудий под командованием полковника Афанасьева.

– Ура! – на этот раз радостный крик поддержали гораздо больше людей.

– В конце сентября русская армия перешла от подготовки к активному штурму позиций 2-й и 4-й японских армий у входа на Ляодунский полуостров...

– Совсем рядом с нами, – выдохнул второй солдат, и сна у него больше не было ни в одном глазу.

– 2-й Сибирский корпус прорвал оборону врага, две дивизии 4-й армии Нодзу были окружены и уничтожены, остальные отступили в сторону Квантуна. Японская армия... Японская армия... – у штабного поручика все же сбился голос.

– Да говори уже! – не выдержал кто-то.

– Японская армия теперь не осаждает Порт-Артур, а заперта тут, рядом с нами!

Поручик замолчал. Собравшиеся солдаты тоже молчали. Криков больше не было, кто-то смолил папиросу как в последний раз, кто-то тер грязными рукавами по лицу.

В госпитале на северной окраине Порт-Артура пахло карболкой и кровью. Раненых старались как можно быстрее возвращать в строй, но все равно из 400 изначальных мест сейчас было занято около тысячи. Из-за этого порой казалось, что в госпитале не хватает воздуха, вот только изменить это было никак нельзя. Разве что на последней неделе натиск японцев спал, и все немного выдохнули, но как долго это продлится? Никто не знал.

Когда в коридор пришел поручик из штаба и начал зачитывать последние новости, то сначала на его голос вышли только один фельдшер и лишь недавно поспавшая четыре часа сестра милосердия Ольга Иванова из общины святой Евгении.

– Русская армия отбросила врага от Ляояна... Враг бросает артиллерию и бежит...

Голос звучал глухо, но в этот момент в госпитале замолчали даже тяжелые раненые, чтобы не пропустить ни слова.

– Мальчики... Вы слышали? – обычно степенная сестра Вильгельмина Криг всхлипнула и обвела взглядом плотно стоящие койки и лежащих на них солдат.

Старый казак из Закавказской стрелковой, весь забинтованный, но живой, заплакал. Не от боли, а от того, что во всем вокруг неожиданно появился смысл.

– Инкоу и Ляодун в наших руках... – голос поручика отражался от стен и гулял по госпиталю.

– Это же совсем рядом! – один из молодых, которого лишь вчера привезли с позиции на горе Высокой, попытался встать на ноги.

– Тише, тише... – тут же бросилась к нему Вильгельмина и удержала на кровати. – А то швы разойдутся.

– Значит, уже скоро и до нас дойдут... Не забыли... – еле слышно сказал солдат на одной из дальних коек.

И столько было в этих двух последних словах! Сомнение, надежда, вера и в то же время боль. У девушек на глазах навернулись слезы, а потом Ольга внезапно ойкнула и прижала руку ко рту.

– А как же моряки наши? – покраснела она. – У них ничего не получалось, а тут обычная армия громит врага на суше и на море. Как бы не сорвались... Может, не говорить им пока?

– Ничего с ними не будет, – фельдшер, которому нравилась девушка, начал было сухо, но почти сразу забылся и воодушевился. – Я утром мимо них шел. Тогда было непонятно, а теперь все встало на свои места.

– А что там было?

– Они говорили про потопленные корабли, а потом каперанг Смирнов поднялся и...

– Что?

– Поднялся и так грозно сказал. Ну! За артиллерию! А потом был звон стаканов.

Кто-то рассмеялся. Ольга сказала, что она им еще покажет, если снова в госпиталь попадут. Фельдшер принялся оправдывать моряков, что они потом сразу же взяли лопаты и пошли помогать нестроевым восстанавливать укрепления.

А затем кто-то запел – тихо, фальшиво, так, что было даже не разобрать, то ли это какая-то солдатская песня, то ли «Боже, царя храни». Но его поддержали: сначала один голос, почти сразу второй, третий. Потом пел весь госпиталь, кто-то даже умудрился с койки вскочить, переполюшав медсестер... Но это была добрая суета.

Сижу, думаю, что вчера мороз был на редкость злой, и это при том, что уже неделю по ночам держится минус 10. Вроде бы только октябрь, но половина оставленных на ночь ламп промерзла и потрескалась. И можно ли в такую погоду думать о наступлении? И можно ли не думать, когда столько людей на нас надеется и верит?

– Вячеслав Григорьевич, разрешите? – первым ко мне заглянул неугомонный Буденный. Ведь как специально выбрал время, ровно за минуту до того, что было оговорено, и в этом весь Семен.

– Заходите, – кивнул я, зная, что там уже и остальные рядом.

И действительно, вслед за Буденным зашел Врангель – в своей новой зимней бурке он занимал в два раза больше места, чем обычно. Словно огромный черный медведь. Сразу за кавалерией заглянули разведчики. Ванновский, Корнилов и Огинский. Первые двое все так же пока не очень ладят с третьим, но работе их соперничество даже помогает.

– Всем доброго дня, – полковник Афанасьев ввалился в фанзу с широкой улыбкой на лице. Как всегда после пристрелки новых пушек, у него было прекрасное настроение.

Мелехов и Шереметев зашли, наоборот, молча и на автомате. В последние недели именно на их плечи легла основная забота по организации наших позиций на границе Квантуна, так что неудивительно. Ну да ничего, процессы потихоньку налаживаются, дальше станет легче. По крайней мере, пока мы снова не пойдем в атаку.

Штабисты Лосьев, Борецкий, Брюммер, Кутайсов и Бурков выглядели ненамного лучше. Однако я проследил, чтобы они не забывали про сон, и теперь эта пятерка хотя бы не напоминала ходячие привидения, как это было в начале Ляодунской операции. Интересно, кстати, получается... Солдаты учатся воевать, а мы – командовать.

– Беда! – следом в комнату ворвался бывший поручик, а ныне капитан Славский, бешено вращая глазами и жестикулируя сразу обеими руками. – Китайцы поставки угольного масла задерживают! А у меня учения стоят! Я просил у Лосьева выдать мне тогда нормальной солянки, а тот отказался! Вот точно у него в роду евреи есть, хоть и не похож.

– Отставить, – остановил я Славского. – Во-первых, придержать солянку только для наступательных операций приказал именно я. Во-вторых, организационные вопросы вы решите сами и не здесь. Помните же, для чего я вас позвал?

Взгляд прошелся по собравшимся. Из привычных лиц не хватало только Хорунженкова, но того я пока отправил на разведку в сторону Кореи...

– Помним, – в дверях появились еще две фигуры.

– Александр Александрович, Георгий Карлович, проходите, – я кивнул на несколько отдельно стоящих стульев.

Если честно, до последнего были сомнения, что другие генералы заглянут на наше совещание, но вот, Бильдерлинг и Штакельберг пришли. Зарубаев проигнорировал, Линевиц тоже посчитал излишним, но... Хотя бы так, хотя бы частично согласовав наши действия, мы уже существенно повысим свои шансы на успех.

– Итак, Вячеслав Григорьевич, – начал Бильдерлинг, заняв свое место, – так как именно вы планируете справляться с японской обороной? Я понимаю, что вы порой творили настоящие чудеса, но здесь, когда врага можно бить только в лоб, ситуация уже совсем другая.

– Поправлю, – я кивнул на оперативную карту, которая занимала всю стену фанзы. – У нас есть четыре направления, по которым мы можем нанести удар.

– Значит, в лоб и... Гарнизон Порт-Артура, – понял Бильдерлинг. – Если установить с ними связь и использовать в нужный момент, то даже остатки сил Стесселя смогут принести пользу. Но что еще? Неужели вы планируете фланговые операции, несмотря на прикрытие японского флота?

Я невольно вздохнул. Когда я сам прикидывал детали этого наступления еще месяц назад, то опирался на Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию и гений маршала Александра Михайловича Василевского. Сейчас ему всего 9 лет, но в 1945-м именно он всего за 9 дней разгромил миллионную японскую армию. Мы во время прорыва на Ляодуне действовали по его заветам: обход, быстрый прорыв, нарушение связей и расчленение вражеских армий. Вот только в нашем случае японцы основные силы держали в тылу и смогли их сохранить, а для десантной операции на Квантуне у нас не было преимущества на море и Тихоокеанского флота.

К счастью, в моем распоряжении были воспоминания и о других сражениях прошлого и будущего. Пусть менее успешных и более кровавых, но которые подходили бы под нашу ситуацию. Например, штурм Перекопа... Я невольно бросил взгляд на Врангеля и поспешил кивнуть Лосьеву, чтобы тот начинал:

– Правый фланг, – Арсений шагнул к карте и показал подходы к перешейку, которые мы будем использовать. – Со стороны Ляодунского залива его прикрывают канонерки. Их пушки слабее, чем у крейсеров, зато они могут подходить сильно ближе к берегу. Поэтому с этой стороны мы будем использовать по минимуму технику и по максимуму людские ресурсы.

Японцы, конечно, заметят накопление сил, но мы сможем добиться оперативной внезапности за счет того, что пойдем не во время отлива по отмели, а заранее наморозим себе путь с помощью валежника! Опыты уже проведены: если массы достаточно, то ледяная каша очень быстро смерзается в полноценный лед даже в это время года, и мы получаем дорогу там, где нас в принципе не ждут. Ночи становятся все длиннее: если в начале месяца на темное время суток приходилось около 12 часов, то сейчас уже 13, к концу месяца будет 13 с половиной. Вполне достаточно, чтобы при должной тренировке проложить ледяную тропу в обход японских укреплений.

– Левый фланг, – я остановил возможные вопросы и попросил Лосьева двигаться дальше.

– На левом фланге со стороны Корейского залива ситуация одновременно проще и сложнее. С одной стороны, из-за высокой осадки крейсеров они фактически могут подойти на дистанцию выстрела только во время прилива. С другой стороны, именно это время наиболее подходит для нашей атаки. Ну и японцы не дураки. Зная о слабом месте морской поддержки, они подтянули на этот фланг побольше артиллерии и людей. Поэтому здесь мы будем строить мост. Естественно, не постоянный. Подготовим понтоны, усилим их, чтобы смогли выдержать вес броневика, проложим железную дорогу до побережья, чтобы суметь их быстро подвезти в нужный момент. Тут еще нужно много что проверить, но в теории мы сможем развернуть мост в обход японских укреплений всего за два часа.

– Значит, четыре направления, – Бильдерлинг переглянулся со Штакельбергом и посмотрел на меня. – И где же будет главный удар?

Очень правильный вопрос. Опытные генералы сразу поняли, что бить растопыренными пальцами – это путь в никуда. А значит, 3 направления из 4-х будут работать не на сам прорыв, а на то, чтобы обеспечить условия друг для друга и для главного удара.

– Прошу прощения, – я вежливо поклонился, – но этого я сказать не могу.

– Не доверяете? – нахмурился Штакельберг.

– Вам – доверяю, но информация из нашей армии стабильно утекает на сторону. У себя я могу контролировать этот процесс хотя бы частично, в чужих подразделениях – не буду даже и пытаться.

– И зачем же вы тогда нас позвали?

– Чтобы показать общую картину, чтобы договориться о том, где на этих направлениях мы сможем действовать вместе...

– И то, что часть этих действий в итоге окажется отвлечением внимания через, как вы сказали, утечки на сторону – это тоже часть плана?

А что тут сказать? Я просто кивнул в ответ, надеясь, что меня сейчас не пошлют, и... Не послали. Бильдерлинг со Штакельбергом в итоге оказались вполне разумными людьми и офицерами. Мы даже согласовали совместные действия во время будущего наступления. В идеале бы, конечно, они пустили к себе Ванновского с Огинским, чтобы те им чистку устроили, но... На такие резкие действия моей репутации еще не хватало.

– Так как же мы будем атаковать на самом деле? – высказался за всех Шереметев, когда оба генерала покинули фанзу и тут остались только свои.

И вот здесь уже можно было ничего не скрывать. Шпионы шпионами, риски рисками, но, чтобы добиться успеха, нам потребуется, чтобы все наши силы в этот раз действовали максимально синхронно.

– Итак, правый фланг начнет первым, – теперь рассказывал уже я сам. – Его задача – имитация атаки и отвлечение внимания. Перегонять людей по узкой ледяной дороге под огнем вражеской артиллерии – наша ситуация не настолько безнадежна, чтобы на такое идти. Тем не менее, сомневаться враг должен, как и заложить силы на удержание этого направления. Павел Анастасович, выделите для этого один полк?

– Выделим, – сурово кивнул Мелехов, а потом задумался. – Может, еще саперов? Поставим мины, попробуем подловить канонерки?

– Мы думали, – я почесал затылок, – но на такой глубине их будет сразу видно. А если глубже в море ставить, то там уже японцы патрулируют.

– Тем не менее, ночная постановка перед атакой может помочь, – не сдавался Мелехов. – Лодки есть, тем более ледяную дорогу с них и намораживать. А так выделим еще пару десятков на мины, кинем на это дело роту-другую и... Пусть японские канонерки и не взорвутся, но хотя бы не будут переть на рожон.

– Принято, – решил я. – Готовьте операцию с учетом минной постановки, но учтите... Сами саперы в день атаки нам потребуются на центральном направлении, – я дождался, пока Мелехов кивнет. – А теперь левый фланг. И вам, Степан Сергеевич, нужно будет уже не отвлекать, а на самом деле пробиваться в тыл к японцам.

– Всю дивизию даже на машинах я буду больше суток так перегонять, – нахмурился Шереметев.

– А вы устали, князь? – я нахмурился в ответ. На гражданке или в обычной обстановке не стал бы лезть другому человеку в душу, но сейчас не тот настрой полковника может стоить тысяч жизней.

Шереметев набычился. И куда только делся тот утонченный франт, скучающий по столице, с которым мы когда-то познакомились на Ялу? Сейчас это был воин, мужик, и отступать даже перед своим непосредственным начальством ему не хотелось. Молчание начало затягиваться...

– К черту, Макаров! – выдохнул Шереметев и врезал кулаком по столу. – Ну что ты за человек! Чуть что, так сразу давить!

– Ради дела, – я пожал плечами. – Так вы не ответили, Степан Сергеевич, устали?

– Не устал! Просто... Встретил старых друзей из Санкт-Петербурга, так половина из них наши победы и успехи ни в грош не ставит.

– Хм... – Брюмер не удержался и фыркнул.

– Смеешься? – Шереметев чуть не побагровел.

– Если бы, – тут же сбил весь накал штабист. – У нас тоже полно таких друзей, вот только... Они губу дают, а их отцы свои губы кусают, потому что понимают, что следующими генеральские погоны будут получать именно офицеры 2-го Сибирского. Вот и весь сказ.

– Думаете, просто завидуют?.. – Шереметев словно не мог поверить в такое простое объяснение, но тут же взял себя в руки. – Вячеслав Григорьевич, простите! Сорвался, даже не знаю, что нашло!

– Надеюсь, в деле такого не будет, – я смерил полковника взглядом, словно пытаюсь понять, что это, случайность или что-то большее. Интуиция пока молчала. – Но вернемся к операции. Вам нужно будет перевезти не всю дивизию, хватит пары тысяч человек. Из них 440 – будут добровольцы Янь Сюня.

– А он тут при чем? – заинтересовался Шереметев.

– Он и его добровольцы в рамках операции срежут свои маньчжурские косы и постригутся коротко под японцев. Мундиры самурайские у нас тоже есть, знаки частей, что стоят на Квантуне, тоже подготовим.

– Значит, мы закинем эти две роты за японские укрепления, и они пройдутся по их тылам? – понял Шереметев.

– По тылам должны будут пройти ваши люди, Степан Сергеевич, – пояснил я. – И да, шанс не вернуться из этой вылазки будет очень велик, так что тоже отбирайте только добровольцев. А люди Янь Сюня, изображая японцев, попробуют запустить волну паники и заставят хотя бы часть японцев побежать.

– Если ошибетесь, то вас окружат и уничтожат, – на всякий случай добавил Лосьев, который помогал мне в разработке плана.

– Даже если все пройдет гладко, держаться придется без припасов и подкреплений до нескольких суток, – я тоже не собирался ничего приукрашивать. – Но именно этот прорыв сможет помочь нам с главным ударом.

Я замолчал, все остальные тоже... Каждый ждал главного: как именно мы будем бить японцев на этот раз.

Глава 2

Стою, смотрю на своих офицеров и неожиданно понимаю: а ведь они ждут прежде всего чуда. Нового плана, который, как и каждый раз до этого, позволит победить врага малой кровью, вот только...

– Как однажды написал весьма разумный немец Мольтке, иногда заканчивается время маневров, и две армии должны просто столкнуться друг с другом, – я обвел всех взглядом. – Сейчас у нас именно такая ситуация. То есть мы будем отвлекать внимание, мы будем маневрировать на тактическом уровне, но пробивать оборону японцев придется именно по фронту, и тут уже ничего не изменить.

Несколько мгновений осознания, а потом каждый из офицеров кивнул, принимая новую реальность, и мы все вместе принялись дорабатывать детали главного удара. Начали с того, что попроще: как будем подводить артиллерию для подавления вражеских батарей...

– Если вы, Вячеслав Григорьевич, хотите, чтобы мы уложились в два часа, – бил кулаком о стол Афанасьев, – то нам нужно работать не с 8 километров, а хотя бы с четырех, а лучше вообще с двух!

– Невозможно! – спорил с ним Мелехов, – На таком расстоянии никакие насыпи рельсы не прикроют. Разобьют сначала их, а как бронепоезда встанут, так и их накроют.

– Тогда скажу сразу, у японцев там вся линия обороны в укрепленных позициях, большая половина которых залита в бетон. Мне, чтобы одну батарею нормально накрыть с безопасной дистанции, час может потребоваться – полчаса, если повезет. А их десятки! Вячеслав Григорьевич, вы же не могли этого не учесть?

На меня уставились два возмущенных взгляда.

Стало неудобно, и мелькнула мысль: может, имело смысл сразу всем все рассказать? И тут же исчезла. Мы ведь сейчас не столько меня послушать собрались, сколько проверяем план на прочность. Мои идеи, доработанные штабистами, против практиков, которым их и воплощать в жизнь.

– Ганс Оттович, ваша очередь, – кивнул я Брюммеру, и тот вышел к карте, сразу же ткнув пальцем в одну из сопкок прямо по центру поля боя.

– Сейчас эта высота находится в серой зоне, но в ночь перед атакой мы ее возьмем. Тахта-ревка, которую будем стараться вести вхолостую все эти дни, завернет и выведет прямо за нее.

– Расстояние? – сразу все понял Афанасьев.

– Тысяча восемьсот сорок метров до первой линии обороны японцев, так что, даже если они подтащат ручные минометы, до вас не добьют. Только пехота или гаубицы. Одних остановят части Павла Анастасовича, ну а другие... Вам просто нужно будет уничтожить их первыми.

– То есть мы загоняем за сопку поезд с нашими гаубицами, – Афанасьев гладил бороду и думал, – раскладываемся и бьем. Мне понадобятся наводчики.

– Поддержка с воздуха и координаты будут, это отдельная операция. Но обеспечим любой ценой, – кашлянул Ванновский.

– Тогда... – Афанасьев продолжал проверять идею на прочность. – Мы ведь там застрянем. Как только откроем огонь, японцы обложат, и о подвозе боеприпасов можно будет забыть.

– Поэтому мы готовим новый вариант бронепоезда, монитор, – на этот раз ответил я сам. – Никакого дополнительного бронирования, никакого лишнего запаса топлива. Только пушки с минимальным бронированием по кругу, чтобы вас случайными разрывами не посеколо. А остальное – снаряды! Раза в три от нормы сможем нагрузить.

– Тогда... – Афанасьев еще несколько секунд кусал губы, а потом решительно махнул рукой. – Тогда справимся! Только один вопрос... А какие еще новые виды бронепоездов вы придумали?

Я даже немного растерялся от такого резкого перехода. С другой стороны, зная любовь Платона Львовича к пушкам на железной дороге, мог бы и догадаться.

– Мы еще думали о бронепоезде поддержки пехоты, со скорострельными пушками и пулеметами...

– Это было бы очень неплохо, – сразу загорелся Афанасьев.

– Однако эту нишу уже закрывают броневики, – остановил я его. – А ресурсов у нас не бесконечное количество, чтобы дублировать технику. Поэтому легкие орудия – для машин, а поездам оставим то, что только они и потянут!

– Осадная артиллерия и гаубицы, – задумался Платон Львович, а потом неожиданно просиял. – А это и правильно! Пусть все знают, что русские поезда пукалки не возят!

Буденный и Славский не выдержали и фыркнули, а потом и все остальные, словно подхватив волну, заулыбались. Всего несколько мгновений, но их хватило, чтобы дальше обсуждение пошло еще хлестче и еще полезнее...

– Не сможем мы второй раз под прикрытием броневиков к японским окопам подойти, – ругался где-то через полчаса Мелехов. – На Ляодуне враг не ждал такого, дал выбить даже мелкие батареи, а тут... Точно сохранит! И точно встретит. Сколько техники положим, чтобы только на одном участке прорваться? Пятьдесят машин, целую сотню? И то не факт, что получится.

А вот и возражение, которого я не ожидал. Бросил взгляд на Славского: тот готовится отвечать, но по нему видно, что в глубине души он согласен с каждым словом Мелехова.

– Какая сейчас броня стоит на ваших машинах, капитан? – опередил я его.

– 7 миллиметров, вы же знаете, – удивился тот.

– А если мы ее увеличим?

– Мотор не потянет, – вместо Славского ответил Мелехов.

– Уберем десантный отсек, – предложил я. – И... Уменьшим броню по бокам и сзади, но спереди увеличим хотя бы до 15 миллиметров.

– Если мы переделаем так несколько взводов под машины прорыва – это может и сработать, – воодушевился Славский. – Причем тут сыграет роль не только большая толщина! Мы же пробовали цементировать броню, как это делают на всех новых кораблях – раньше ее толщины для такого не хватало, но вот если будет миллиметров двадцать, то шансы появятся... – тут он заметил несколько недоуменных взглядов и принялся объяснять. – Крупп говорит, что придумал свой способ в 1893-м, до этого была похожая гарвеевская броня, а если послушать наших китайцев, то они пережигали сталь с углем уже тысячу лет. Тут смысл в том, что после такой обработки верхний слой брони становится более твердым и хрупким, а внутренний остается вязким. Такая комбинация будет крошиться, разрушаться, после пары попаданий потеряет половину своих свойств, но, главное, пробить ее будет гораздо сложнее, чем обычную однослойную. И мы действительно сможем попробовать бросить машины в лоб на японские пушки!

– Все равно, – Мелехов вытащил лист бумаги, набросал примерную грузоподъемность и вес новой брони. – Проходим прямо по краю. Любая неровность на дороге, лишняя горка, и машины встанут, а за ними и все наступление.

– А вот это уже точно не проблема! – на этот раз Славский сам нашел ответ. – Время у нас есть! Ночью все равно то наши, то японцы ходят на вылазки – так мы заодно не только рубежи для стрелков отметим, но и дороги расчистим. А в день атаки пустим по ним тяжелые броневики как по шоссе!

Шоссе в это время – это еще не то, что в нашем, но все равно звучит солидно. А главное, я теперь действительно верил, что перегруженные броневики справятся со своей задачей.

После этого мы перешли к обсуждению тактики пехоты. Как собираем резервы, как и где переходим в атаку, движение на дистанции, работа в окопах... Когда закончили, я обратил

внимание на потухшие взгляды наших кавалеристов, которые привыкли, что в прорыве обороны они не участвуют, и теперь изо всех сил завидовали остальным.

– Петр Игоревич, – я позвал штабиста, который отвечал за подготовку кавалерийской части наступления.

Бурков вышел вперед, бросил быстрый взгляд на Буденного и Врангеля, с которыми немало времени провел как обычный офицер, а потом принялся рисовать линии еще одного прорыва по мелководью на правом фланге.

– Когда первая линия укреплений будет взята, когда часть сил отвлечется на атаку из Порт-Артура и прорыв Степана Сергеевича по понтонам, именно здесь у нас появится возможность быстро ввести в сражение кавалерию. Очень короткая возможность, чтобы здесь успела проскочить пехота. Броневики в воде да по мягкому дну тоже не пройдут, а вот вы... Сможете!

– Задача – разрушение тыловых коммуникаций японцев? – Врангель прищурился.

– Задача – оборвать подвоз снарядов, – пояснил Бурков. – Японцы их не экономят, зная, что всегда получают новые. И действительно подвоз из резервов полков и дивизий работает как часы! Вот только это не означает, что возле пушек всегда одинаковое количество снарядов. Есть просадки, когда много потратили, а резервы еще в пути, и именно в этот момент их лучше всего подловить. Не получится – паника в тылах тоже поможет. Но если сработать ювелирно, то мы тысячи жизней спасем!

– Сколько эскадронов нужно провести?

– Вас не будут ждать, но у японцев там везде укрепления, так что минимум полк.

– Значит, 6 эскадронов. Успеем?

– Как и с артиллерией, – снова кашлянул Ванновский, – мы будем следить, чтобы подобрать подходящее окно...

Врангель несколько долгих секунд буравил главного разведчика взглядом – понимаю, сложно доверить жизни своих солдат кому-то другому – но в итоге медленно кивнул. После этого обсуждения ушли больше в сторону организационных вопросов, а через два часа я и вовсе всех отпустил. Поговорили, каждому нарежали его кусок задач, и приниматься за них нужно было уже сегодня.

Мимо пробежал Лосьев: его ждали переговоры с Порт-Артуром, и там тоже свои сложности. Стессель сначала в принципе отказался обсуждать участие в наступлении, а когда я надавил, используя свои новые связи, то... Этот жадный и очень осторожный человек согласился выделить на него лишь 6 тысяч человек. И это при том, что на начало осады в городе находилось под 50 тысяч солдат, и сейчас больше 30 тысяч из них еще были в строю.

Впрочем, 6 тысяч в тылу врага – это гораздо больше, чем просто 6 тысяч. Надо было просто правильно ввести их в бой: чтобы и оборону не оголить, и через японские позиции вокруг Порт-Артура пройти, и ударить именно туда и тогда, когда будет нужно. Удивительно, сколько в будущем сражении зависело от связи, а ведь еще полгода назад про нее просто могли забыть, чтобы лишний раз не отвлекаться и дальше спокойно работать по старинке.

Освободился я в итоге только под самый вечер, и то все не успел. Завтра еще нужно будет заняться госпиталями, проверить каждое из направлений будущего наступления на месте, а еще... Очень не хотелось, но теперь по личному разрешению Его императорского Величества у нас тут почти на передовой гуляет целый зверинец, и хочешь не хочешь, а приходится тратить на него время.

Вот и сейчас... Пришлось сделать крюк и перед сном заглянуть в сияющий огнями иностранный городок, разбитый на месте старой китайской деревни в 15 километрах от линии фронта. Первым мне попался полковник Пикар – из всей новой братии он мне нравился больше всех хотя бы тем, что приносил пользу. Мы обменялись кивками, и полковник поспешил в темноту, где мелькнул оливковый мундир и серо-голубой шарф австрийского посланника. Этот, кстати, меня больше удивлял, чем раздражал.

Я-то думал, что Австро-Венгрия уже давно смирилась с лидирующей ролью Германии, но Карл Мария Александр фон Ауэршперг опровергал это всем своим видом. Он вежливо фыркал на любые рассуждения германского посланника фон Винклера, а еще любил отловить меня и с каменным лицом рассказать какую-нибудь историю времен наполеоновских войн. Я чуть было не заподозрил что-то совсем неприличное, но, к счастью, Огинский меня просветил.

Как оказалось, Ауэршперги – это довольно древний род, зародившийся недалеко от современной Любляны еще в 15 веке, и они довольно активно продвигали в Вене идею союза не с Берлином, а с Санкт-Петербургом. Так что наши успехи оказались им на руку, и теперь Карл Мария осторожно прощупывал почву. Лично я, помня весьма скромные успехи Австро-Венгрии в Первую Мировую, относился к этому без энтузиазма. С другой стороны, без австрийских армий на юге Россия смогла бы сосредоточить больше сил на севере против своего главного противника...

А в том, что с Германией у нас не сложится, я не сомневался. Уж Винклер в своем обширном овечьим мехом фельдграу и надвинутой на глаза фуражке показывал это с первого дня. Ходил всюду, вынюхивал, а отчеты, которые он отправлял с телеграфной станции каждый день, занимали не меньше часа. И ладно бы это был случайный человек, но Винклеры – это старинный прусский род, всегда поддерживающий общую линию кайзера. А сам Манфред – тоже не кто-то там, а майор генерального штаба. Военный, а не дипломат – еще один маркер.

– Вячеслав, вы к нам надолго? – тут меня приметил американский посланник. Самый молодой из всей этой банды: Роберт Лоуренс Пейдж, 27 лет, потомственный денежный мешок из Вирджинии, а значит, ярый демократ.

– Присоединяйтесь, обсудите с нами, есть ли шансы у Паркера, за которого так болеет наш молодой друг, против республиканца Рузвельта, – помахал мне стоящий рядом с Пейджем англичанин.

Артур Перси Челмондей – лично я никогда не слышал раньше про эту фамилию, но, как оказалось, это довольно древний род. Впрочем, оно и видно: в любое время дня и ночи Артур Перси был в своем красно-коричневом мундире, спина прямая, словно там линейка пришита, а на горле шарф из шотландки. Он успел год провести в Южной Африке и с тех пор почему-то жутко боялся простуды.

– Не думаю, что Вячеславу это интересно, – замахал руками Пейдж, делая вид, что мы близкие друзья. – Давайте лучше обсудим сапоги нашего Артура. Не знаю, где он выкопал эти старые «Веллингтоны», но не кажется ли вам, что это попытка перешеголять самого Ауэршперга в его воспоминаниях о славных войнах против Наполеона?

Я только вздохнул. Именно поэтому я называю это сборище зверинцем, и мне очень хочется узнать, как же так вышло, что почти каждый иностранец, прибывший в нашу армию – это наглый молодой щегол. Вот когда мы японских наблюдателей захватили на Ялу, так там были вполне серьезные люди. Макатур, Гамильтон, да тот же Лондон – уже вполне известный и состоявшийся писатель. А мне прислали... Зеленых юнцов. Даже как-то обидно.

– Или... – вкрадчиво продолжил Челмондей. – Может, генерал хочет обсудить с нами, что будет делать, когда разобьет японцев на Квантуне и снимет осаду с Порт-Артура?

Провокация получилась несерьезная, но меня неожиданно накрыло. Я ведь на самом деле не раз думал, а что делать дальше. Высадка на остров, когда преимущество на море на стороне врага – это операция, которую не смогли потянуть ни Наполеон, ни вся военная машина Вермахта в 1941-м. Остаются самые разные, порой по-настоящему дикие варианты, так почему бы не попробовать проверить реакцию на них. Модель из двух человек будет, конечно, весьма сомнительной, но... Это лучше, чем ничего. Да и просто забавно может получиться.

– А почему бы и нет, – я тряхнул головой, прогоняя остатки сна. – Как мы все знаем, Япония – это противовес России в Азии, который каждая из ваших стран, словно заботливый садовник, растила у нас на заднем дворе.

– Как поэтично, – восхитился Пейдж, но глаза его зло блеснули, словно он на мгновение забылся и не удержал маску.

– Так вот если мы победим и остановимся, то обеспечим себе лет 10 мира, а потом, собравшись с силами, Япония продолжит эту войну.

– Вы все-таки планируете высадку на острова? – прищурил глаза Челмондей. – Каким образом?

Такое чувство, что несмотря на все свои 29 лет, он искренне верил, что я сейчас ему все и выдам, прямо на блюдечке. Впрочем, так ли это наивно, учитывая, что я знаю немало русских офицеров, которые не увидели бы в таком рассказе ничего странного?

– Зачем? – я широко улыбнулся. – Мы просто поменяем хозяина японскому псу. Без колоний на континенте у них нет шансов развиваться дальше, а значит, им придется пойти на наши условия. Смена правительства, отказ от всех обязательств преступного режима Мацухито...

– Это невозможно! – Челмондей побагровел.

– Это неприемлемо! – согласился Пейдж. – Но очень весело, старые пердуны в Вашингтоне сожрут все свои галстуки!

– Англия никогда не признает новое правительство Японии!

– Соединенные Штаты тоже. И почти наверняка мы введем против них эмбарго и блокаду.

– Что еще больше привяжет Японию к союзу с Россией, – между делом заметил я.

– России тоже придется непросто!

– Как сейчас? Кажется, мы справляемся, – я развел руками.

– Китай будет в ужасе от этого союза, – Челмондей словно искренне представил эту ситуацию. – Причем, даже если он не решится действовать официально, вас будет ждать новое восстание боксеров, на этот раз только против России.

– Я ни мгновения не сомневаюсь, что вам удастся организовать что-то подобное, – согласился я. – Так же я уверен, что 8 английских броненосцев в регионе и 2 американских вполне смогут доставить нам проблем – поэтому мы будем вынуждены начать действовать и на этом направлении. Уверен, императрица Цы Си примет обеспокоенность России влиянием на Китай недружественных стран и прекратит аренду портов Вэйхайвэя и Циндао.

– Вы еще и кайзера отсюда выкинете? – с восхищением спросил Пейдж, но тут же поспешил добавить. – Америка будет настаивать на том, что Китай должен, как и раньше, придерживаться принципа открытых дверей.

– Если зачищать свой задний двор, то до конца, – я, кажется, увлекся. – Ну, а в том, что 3-тысячный гарнизон Вэйхайвэя и 7-тысячный Циндао не смогут нас остановить, вы же не сомневаетесь?

Кажется, упоминание точных цифр придало моей истории еще больше реализма.

– Это будет война, – неожиданно тихо сказал Челмондей. – Большая война по всему миру... Она начнется в Азии, но потом перекинется дальше. В Афганистан и Персию, через которые ударят индийские части. Турция нанесет свой удар по Кавказу. Сербия и Болгария объявят о независимости...

– А это зачем? – поинтересовался Пейдж.

– Это свяжет руки Германии и России. Кайзеру придется помогать Австро-Венгрии, а царю – братьям-славянам. Тем не менее, Германия и Франция сцепятся еще и в Африке, и это только первый этап. Что будет на втором, я даже боюсь предположить.

– Хорошо, что мы обсудили все это только в теории, – широко улыбнулся я и, оставив обоих посланников провожать меня с широко открытыми ртами, развернулся и пошел к выходу.

Пожалуй, свой вклад в светскую жизнь на эту неделю я уже выполнил. Было, конечно, забавно немного пошутить, но всему нужно знать меру. А то вдали уже слышались голоса Юсупова и Витте, а общаться еще и с ними я точно был не готов. Пусть лучше они теперь объясняются с нашими гостями – может, даже повезет, и мне разрешат держаться подальше от всех этих собраний.

Мелькнула мысль: не сболтнул ли я чего лишнего? Но нет! Я поспешил успокоить сам себя: мы же точно не планируем сейчас большую войну, а про детали именно в рамках текущего конфликта я как раз ничего и не сказал... В темноте слышались торопливые шаги и знакомое хриплое дыхание.

– Джек? – я узнал Лондона.

– А я все слышал, – с ходу заговорил тот, догоняя меня. – Тоже пошел на прием, услышал ваш голос, а потом все эти страшилки про великую войну. Молодежь до сих пор то ли в ужасе, то ли в бешенстве, а идея не платить по долгам поразила даже меня... Вячеслав Григорьевич, разрешите мне использовать детали из этого разговора для рассказа. История о том, как мир вспыхнул и сгорел дотла – мне кажется, люди должны понимать, к чему все может прийти в итоге.

– А вы думаете, что люди, поняв, смогут это остановить? – я внимательно посмотрел на писателя.

– А кто, если не они? – тот просто пожал плечами.

Глава 3

Говорят, завтра начнется...

Фельдфебель Тюрин после перевода на броневики и сдачи экзамена на командира машины получил прапорщика – удивительно, как легко и быстро его заслуги признали и оценили во 2-м Сибирском. Но даже больше, чем этому, Тюрин радовался тому, что судьба не развела его с бывшим поручиком 19-й роты, который сейчас и командовал их отделением.

Три машины, которые перевели для усиления правого фланга. Они приехали сюда по ротации только вчера и целые сутки потратили на то, чтобы подготовить позиции для броневиков. Прошлый командир предпочитал просто держать технику в тылу, а Михаил Гордеевич сразу приказал копать полноценные окопы для их «Мусье». «Бори» – это броневики с боронами против мин, а «Мусье» – машины с французскими пушками.

Причем им повезло: стажировку они проходили на 37-миллиметровых, а тут попали на новые броневики с усиленным корпусом, куда установили уже 47-миллиметровую пушку Гоч-киса.

– Тюрин! – Дроздовский окрикнул своего бывшего фельдфебеля, и тот сразу же подбежал к головной машине. – Как дела? Освоился?

Было видно, что он хотел спросить другое, но решил начать именно как командир отделения.

– Все хорошо, ваше благородие.

– Пристреляли новую пушку?

– Так точно, – вытянулся Тюрин, но потом уже немного по-свойски добавил. – Это так удивительно!

– Что именно?

– Пушки! Старая 37, эта 47 миллиметров – вроде бы разница всего чуть, издалека можно и перепутать. Но снаряды при этом на маленькой весят всего полкило, а сюда – все полтора килограмма будут. А еще нам артиллеристы лекцию читали, боеприпас в разрезе показывали. Так в старом только 20 граммов пороха было...

– Пироксилина.

– Точно, пироксилина! А в новом снаряде все 70 граммов! И дальше тоже все хитро: кажется, взрыв от такого должен стать в три раза сильнее, но нет! Осколки полетят всего на пару метров дальше, не на пять, а на семь, но вот взрывная волна – та да, гораздо мощнее будет.... Мы по разным укрытиям еще стреляли потом. Глиняные фанзы разносит в осколки, деревянные укрепления тоже нас не удержат, пулемет на открытой позиции – без шансов. А вот нормальный кирпич – если и взять, то не с первого раза. Бетон – тут только если осколками пытаться посечь. Ну и просто земля. Я иногда раньше думал, зачем столько копать, а тут нам наглядно показали! Тонкую насыпь первый же выстрел раскидает, а если хотя бы сантиметров 30 набрать, да еще водой пролить и ветки внутри уложить – и из нашей пушки такому укреплению уже только внешний вид портить.

Тюрин замолчал, сам от себя не ожидав такой длинной речи. А вот Дроздовский, наоборот, только радулибался.

– Не удивительно, что тебя хвалят. Любишь ты машины, вон сколько всего заметил и понял. А что насчет нашей позиции скажешь?

Он махнул рукой, чтобы Тюрин забирался на головного «Мусье», бросил ему бинокль, а потом указал ему сначала вниз, на свой берег. Впрочем, что творится там, Тюрин знал и так. Редуты возле берега, за ними – скрытые от японских глаз лодки и горы хвороста. По ночам специальные команды выплывают с ним на середину залива и укладывают подводную тропу.

Сама идея не новая: говорят, что еще во времена Петра Великого хворост кидали в ледяную крошку, чтобы река быстрее схватилась. Сама по себе-то она может еще месяц гулять, а как появляется основа, так процесс и идет. Сначала такую дорогу хотели за ночь проложить, но полковник Мелехов в итоге придумал хитрее. Лодки ночью шли, закидывали хворост, но палками опускали его поглубже, чтобы дорога схватывалась чуть ниже уровня воды.

В итоге она потом сама по чуть-чуть нарастала, а главное, со стороны как будто ничего и не менялось. Та же ледяная крошка на поверхности, разве что в одном месте она как будто меньше двигалась, но разве догадается враг обратить внимание на такую мелочь?.. Тюрин поднял взгляд как раз в сторону японских позиций и разом напрягся. Там тоже вроде бы было все по-старому: редуты в сторону перешейка, несколько поменьше у берега и две батареи чуть дальше, но...

– Что-то изменилось, – выдохнул Тюрин.

– Что?

– Не понимаю, но я вчера смотрел, и было по-другому.

– Дороги, – подсказал Дроздовский. – Еще вчера вдоль берега были только тропы, а сейчас японцы расчистили полноценные дороги. По таким можно хоть пушки к воде выкатить, хоть колонной пройти.

– Думаете, японцы знают, что мы будем атаковать?

– Уверен, знают. Тем более, присмотрись к форме, – дал еще одну подсказку Дроздовский.

– Другие нашивки, – встрепнулся Тюрин. – Это... Точно, 12-я дивизия 1-й армии Куроки. Неужели японцы перекинули их сюда из Кореи?

– Нет, 12-я дивизия шла со 2-й и 4-й армией изначально, – покачал головой Дроздовский.

– Но она и сама по себе опасна. Я спрашивал: во время прорыва наших у Ляодуна только они смогли оказать серьезное сопротивление, и опять же только они отступили, сохранив порядок – не будь этого, и потери японцев могли бы оказаться еще больше.

– Значит, против нас хороший японский генерал, и он собирается нас встречать. А то и... – Тюрин не договорил.

– Именно. Причем как раз в тот момент, когда мы на самом деле готовимся идти вперед.

– А мы готовимся?

– Пока приказа нет, но слухи и общая готовность... Я бы сказал, что завтра все и начнется.

– Тогда, – задумался прапорщик, – на планы генерала Макарова мы вряд ли повлияем, но сами... Может, выкопаем для наших броневиков еще одну укрепленную позицию? Запасную. Просто чтобы была.

Тюрин сначала ждал ответа, потом проследил за взглядом Дроздовского, и точно. Рядом с его броневиком уже стояла связка лопат.

– Руками? – вздохнул Тюрин. – А может, как на полигоне, приделаем ковш и машиной потянем? Быстрее будет.

– Ресурс мотора тратить не станем, – Дроздовский задумался, но покачал головой. – Заодно, пока копаем, дурные мысли под каску лезть не будут.

Прежде чем прыгнуть за лопатой, Тюрин в последний раз бросил взгляд на японский берег. Интересно, а с той стороны кто-то так же стоит и смотрит за ними?

Хикару Иноуэ смотрел на русский берег.

– Ты уверен, что они атакуют завтра? – принц Катиширикава стоял рядом со своим другом чуть в стороне от основных позиций, чтобы никто не помешал разговору.

– Не завтра, так послезавтра, – нахмурился Иноуэ. – Видно, что русские закончили накопление сил, а значит, чего тянуть.

– Выходит, новое наступление. Некоторые люди в правительстве надеялись, что русские не решатся идти вперед в такие холода, и война отложится до следующего года.

– Северные варвары и испугаются зимы? – Иноуэ удивился, что кому-то могла в принципе прийти в голову такая мысль. – Наоборот, использовать привычную именно им погоду и превратить ее в еще одно преимущество – это было бы вполне в их духе.

– Ты часто упоминаешь их преимущества, – голос принца похолодел. – При этом я был в ставке маршала Оямы, и там видят ситуацию совсем по-другому. У нас больше солдат, короче плечо снабжения, и мы при этом еще и обороняемся! В таких условиях совсем не сложно вымотать врага, а потом снова отбросить его на север. А то и вовсе уничтожить русскую армию.

– Вот всех, кто так говорит, надо гнать из армии, и... Ояму повысили до маршала?

– Император решил, что это поднимет мораль наших солдат и офицеров.

– А еще русских.

– О чем ты?

– Одно дело, если они победят и захватят генерала. И совсем другое, если им достанется целый маршал.

– Хватит! – Катиширикава повысил голос. – Если ты потерял веру и не готов сражаться, просто скажи. Будет надо, и я лично займу твое место.

– Не стоит. Без опыта это будет стоить слишком много жизней 12-й дивизии.

– Хррр, – принц зарычал. – И когда ты успел стать таким грубым? Русское влияние? Иногда я, честное слово, жалею, что мы друзья. Иначе было бы так просто отправить тебя под трибунал гунко кай.

– Если бы мы не были друзьями, я бы не говорил что думаю, – Иноуэ пожал плечами. – Кстати, могу я рассчитывать на ответную любезность? До нас доходили слухи, что в Токио неспокойно.

– Ваш дядя Каору Иноуэ был застрелен, также неизвестный поджег английское посольство и стрелял в Хиробуми Ито.

Лицо Хикару окаменело. Они не были близки с дядей, но глава рода был важен для него как один из символов того, за что он сражается.

– Война за власть?

– За влияние на императора. Сторонники мира подняли головы, их попробовали заставить замолчать, но они выстояли.

– Спасибо, – поблагодарил Иноуэ, прекрасно понимая, что никому другому принц ничего такого бы не рассказал.

– Любезность на любезность, – сменил тему Катиширикава. – Я знаю, что тебя хотели перевести на правый фланг, где видели русские понтоны. Вряд ли они настолько безумны, что решатся переплываться по ним под огнем нашей артиллерии, но там их активность точно выше, чем здесь. Раньше ты никогда не бежал от боя. Почему же сделал это сейчас?

– Ты поэтому приехал? – Иноуэ сжал губы.

– Если самый храбрый генерал из тех, кого я знаю, начнет бежать от боя, – Катиширикава смотрел прямо в глаза своему другу, – то судьба Японии будет решена в тот же миг. И я предпочел бы вернуться в Токио, зная ответ на этот вопрос.

Иноуэ кивнул. Рассказ о волнениях в столице, желание принца понять решимость армии – все складывалось в одну картину.

– Я не боюсь, но прорыв нашей обороны поручили Макарову, а он всегда старается обмануть наши ожидания, поэтому... – Хикару начал загибать пальцы. – Первое, я бы ждал атаки со всех направлений. Второе, выделил бы больше всего внимания тому флангу, где деятельность врага меньше всего заметна. И третье...

– Почему ты замолчал?

– Показалось, что нас слушают, но это просто ветер, – Хикару тряхнул плечами, сгоняя снежную крошку. – И третье! Если враг по-настоящему ударит с нашей стороны, я буду готов, чтобы остановить его. Но если он только отвлекает внимание и на самом деле сосредоточил силы на других направлениях, то получится, что именно тут он сам будет слаб. И уже я ударю прямо по нему!

– Это безумие!

– Это маневры. То, чему я за эти месяцы научился у русских, – Иноуэ на мгновение отвернулся и бросил взгляд на ледяную гладь Ляодунского залива.

Две ночи назад его разведчики чудом смогли заметить работы русских, и теперь Хикару планировал воспользоваться этим знанием. Мелькнула мысль, стоит ли говорить об этом даже принцу, но потом Иноуэ напомнил себе, что тот не раз выручал его и... Он предложил Катиприкаве немного проехаться. Десять километров на юг, где вдали от посторонних глаз 24-я пехотная бригада тренировалась быстро преодолевать водную преграду по только что намороженной ледяной дороге.

– И что это? – принц с удивлением оглядел покрытых ледяной крошкой солдат, только что пробежавших около сотни метров и теперь отогревающихся у огромного костра.

– Это, – тихо ответил Иноуэ, – наша возможность победить.

– Прямо победить?

– Знаешь, – в голосе генерала проснулась обида, – я уже два раза пробивал линию обороны Макарова, выходя ему во фланг и даже в тыл. Но оба раза меня останавливали, давая тому возможность переломить исход боя. Так вот, больше этого не будет! На этот раз 12-я дивизия пойдет до конца! Несмотря ни на что!

Сегодня Ляоян бурлил. Казалось бы, меньше месяца отсюда уехал министр внутренних дел, задавая моду потери интереса к войне, и вот... В город, словно совершенно не опасаясь грохота пушек, начали слетаться молодые девушки со всей империи. Кто-то заезжал на день-другой и спешил купить билеты назад, осознав, что реальность и фантазии могут сильно отличаться. Кто-то находил себя при госпиталях, где ни один врач не отказывался добавить к лекарствам для раненых немного молодости и красоты, что одним своим видом дарили всем вокруг юные гости.

А кто-то, несмотря ни на что, оставался сам собой, и этого тоже было достаточно, чтобы скромный городок на задворках империи начал сиять.

– Ты слышал? – шептались на улицах. – У нас давали представление девушки из самого Императорского театра!

– Из Мариинки?

– Типун тебе на язык, так говорить. Театр называли в честь супруги Александра II, Марии Александровны, а ты... Мариинка. Тьфу!

– Да ладно тебе. А я слышал, что там какая-то совсем молодая девушка играла Одетту, в газете про нее, представляешь, написали «трепетная». У меня мурашки от одного этого слова, и как после такого идти своими глазами смотреть?

– Ты про Анну Павлову?

– Точно!

– Так она уже не такая и молодая, 24 года. И главное-то ты пропустил: к нам, говорят, приехала сама Матильда Кшесинская, не кто-то там, а прима-балерина.

– Наверно, к великому князю. Говорят, они раньше с Сергеем Александровичем были близки.

– Да что же ты все болтаешь! Услышит кто, головы не сносить.

– А я что? Например, злые языки болтают, что она и с самим государем роман крутила, так я же молчок.

– Ну, хватит!

– А ты не затыкай меня!

Два огромных купца с бородами по пояс чуть не набросились друг на друга, когда их едва не задела закрытая карета, и им пришлось спешно отскакивать в сторону.

– Людно тут стало, – вздохнул первый.

– Да, словно снова в столице, – согласился второй, и они, забыв про недавнюю ссору, направились в ближайший каба́к. И не пожалели.

Там их ждали уже новые слухи, причем не только про балерин и высочайшие романы, а еще и про новую книгу Джека Лондона. На этот раз тот решил не дожидаться ее выхода в печати, а, говорят, по совету самого генерала Макарова, приехал в Ляоян, чтобы устроить публичные чтения. На русском языке, который он неплохо освоил за последние месяцы!

И город бурлил, выпытывая детали и готовясь сражаться за лишний билетик. Вот она, настоящая жизнь!

Завтра...

Обзор с 14-й сопки, где стоял мой штаб, был похуже, чем с высоты две тысячи двести десять, где расположился Линеви́ч, но мне хватало. Тем более я предпочитал полагаться не на свои глаза, а на наблюдателей на воздушных шарах. Сейчас они в последний раз поднимались ввысь вдаль от фронта, собирая информацию о движениях в японских тылах. Завтра они взлетят уже на передовой, в зоне поражения вражеских орудий.

– Может, не будем рисковать? – спросил стоящий рядом Ванновский. – Полковник Кованько даже с 6-8 километров довольно точно передает данные.

– Посмотрите налево, – ответил я. – Между нами и 15-й сопкой.

– Вижу. Там стоит одна из стационарных батарей, которые шрапнелью будут работать.

– А видите, что она укрыта сетками?

– Лоскуты с имитацией снега? – усмехнулся Ванновский.

– Между нами меньше километра, и вы все видите, а теперь... свяжитесь с 3-м шаром. Там же сейчас новенькие, которых готовит Кованько?

– Все верно, но зачем?

– Попросите их описать территорию рядом с 15-й сопкой...

Я отвернулся, а недовольный Ванновский исчез минут на двадцать. Потом вернулся, задумчивый и встревоженный.

– Они не видят, – выдал он. – Я чуть прямым текстом не намекал, но не видят.

– Человеческий глаз даже в компании с увеличительными линзами не совершенен, – я пожал плечами. – В этом нет ничего удивительного. Так что мы должны учиться обманывать чужие глаза и тренировать свои.

– Поэтому Кованько гоняет своих с фланга на фланг и заставляет описывать не только японцев, но и наши позиции? – понял Ванновский.

– Точно. Учит людей замечать врага по малейшим признакам, ну а офицеры Мелехова учатся маскироваться.

– А я? – немного с обидой спросил Ванновский.

– А тут моя вина, – признался я. – Знал, что вы работаете с шарами, но не учел, что в какие-то детали они вас не посвятят. Кажется, наша с вами система секретности наконец-то начала по-настоящему приживаться. А то, помню, раньше нос воротили, а теперь – распробовали. Даже от вас что-то утаили!

– Ну вот, теперь непонятно, то ли гордиться, то ли пепел для головы готовить, – махнул рукой Ванновский. – Кажется, мне до завтра нужно будет много узнать, но... Сделаем! Даже если шары не справятся, у меня ползуны на передовой почти в сотне метров от японцев смогли окопаться!

– А саперы?

– Прошлись во всей линии фронта, везде не земля, а сплошной камень. О подкопе и думать нечего...

Я кивнул – классические методы взятия укреплений отваливались один за другим. Еще и главный план постоянно приходилось дорабатывать.

Так, деревянные понтоны могли держать броневики только в теории, а на практике – края обламывались, и машины слетали в воду. Пришлось добавлять конструкции стальной каркас, что разом заставило увеличить размеры. А за ними поползло и все остальное: количество нестроевых, чтобы их перевозить, дополнительные части прикрытия и даже увеличение ширины дорог, что мы прокладывали на передовой и в тылу.

Еще японцы наловчились уничтожать наши тахтаревки. Мы ночью прокладываем, они днем бомбят. В Инкоу-то как было: мы что-то уложим, они постреляют, и следующей ночью нужно было поменять дай бог с десятков секций. А тут японские артиллеристы, кажется, были готовы палить с утра и до самого вечера, пока наблюдатели видели хоть один прямой кусочек стали. Иногда закрадывалась мысль, а во сколько нашим врагам обходятся такие обстрелы, но... Если мы не победим, все эти рассказы про дыру в чужом кармане не будут иметь никакого смысла.

В итоге пришлось все же делать насыпи, настоящие и ложные, и вести полевые дороги только за ними. Времени ушло больше, чем хотелось, но, может, оно и к лучшему. По крайней мере, за эти недели в Европе разрешились все проблемы с блокировкой 2-й Тихоокеанской эскадры, и она ушла дальше в сторону Африки. Теперь дело за нами. Чтобы показать, кто настоящий хозяин на суше, чтобы кораблям было куда прийти, чтобы и на море у нас тоже появился шанс...

– Кстати, чуть не забыл, – Ванновский хлопнул себя по лбу. – Вячеслав Григорьевич, я же изначально к вам по-другому вопросу приходил. Пришли новости от Александра Александровича.

– И как? – я бросил взгляд на разведчика. По идее, будь все плохо, он бы не стал тянуть, но...

– Хорунженков смог, – выдохнул тот. – Растянул силы Куроки, прорвался у Шигпу и дал силам полковника Кима просочиться в Корею.

Просочиться... Очень мягко сказано для почти 10 тысяч боевых корейцев, которых мы готовили все эти месяцы. Если Ким не подведет, если сможет заручиться поддержкой местных и начать снабжать себя, то станет очень грозной силой во вражеском тылу... А там, кто знает, во что все это выльется. Я на всякий случай уточнил, развернули ли уже дополнительную антенну, чтобы ловить возможные передачи из Кореи – и пока нет – а потом все же снова сосредоточился на Квантуне и нашем собственном бое.

Все-таки уже завтра...

Глава 4

Лавр Георгиевич Корнилов лично вел четверку разведчиков. Ночь еще накрывала землю, но все вокруг – светлое пятно за горизонтом, усилившийся мороз и тревожные шорохи морского бриза по снегу – говорило о том, что рассвет близко.

– Нет японцев, – рядом шептал успевший выдохнуться всего за час жандарм Швабов.

Станный он человек: тяжелый, уже в возрасте, но написал перевод из теплого Харбина на передовую. Еще и в разведчики попросился. Корнилов взял его больше чтобы доказать Швабову, что это не его, вот только бывший жандарм потел, жаловался, но сдаваться даже и не думал.

– Есть японцы, – ответил Корнилов и махнул соседней двойке, чтобы отошли еще метров на двадцать влево. – Каждое утро они пытаются обстрелять нас из своих мортир, а сегодня, думаешь, взяли выходной?

– С шаров бы их просто приметили, и все. Чего людей зря гонять, – продолжил ворчать Швабов.

– Ты считаешь, что японцы – дураки? Поднимем шары, и все мортирные расчеты откатятся назад.

– Ну вот, хоть так не постреляют.

– А то, что мы из-за пары мортир выдадим позиции своих шаров и сломаем игру артиллерии на весь день, ты не думал? – Корнилов начал злиться, но тут Швабов перестал спорить и замер.

Его уникальная способность, из-за которой полковник не отослал бывшего жандарма назад, несмотря на все его нытье. Корнилов не знал, где Швабов так наловчился слушать, возможно, какое-то природное чутье, доведенное до совершенства ежедневными попытками держаться подальше от начальства, но одно было точно. Швабов мог различить чужие шаги и дыхание на огромном расстоянии.

– Где?

– Два часа, – Швабов указал направление.

Корнилов махнул второй двойке, чтобы заходили с другой стороны, а сам пополз вперед. Они и раньше старались не подниматься от земли, но теперь движения стали еще медленнее и осторожнее.

– До той вершины и осматриваемся, – приказал Корнилов через пять минут.

Швабов, конечно, мог ошибиться, но он и сам уже чувствовал, что враг близко. Снег смешался с грязью и забился за края мундира и сапог, тело как будто должно было стать тяжелее, но полковник летел вперед. Риск? Да! Но даже Макаров уже перестал на него ругаться, понял, что Корнилова не исправить, и каждый раз говорил ему только одно. Сам можешь сгинуть, а вот людей береги. И Лавр Георгиевич берег.

Именно поэтому в первой двойке идет он сам...

– Японцы, – выдохнул Швабов, увидев, как буквально в полусотне метров от них раскладывалось сразу четыре мортиры.

– В 7-ю батарею целятся. Заметили, значит, гады, – Корнилов оценил на глаз направление и высоту выставляемых стволов.

Очень хотелось выхватить пистолет и просто перестрелять всех японцев, но полковник прекрасно понимал пределы своих сил. Именно поэтому он просто скинул со спины тубус с дальномером и рассчитал точные координаты цели. Теперь сползти немного вниз, чтобы точно не заметили, и перебежками назад. Времени мало.

– Готово, – держащийся позади пятый, связист, уже все понял и как раз закончил настройку телеграфа.

Тянущийся за ними провод в грязно-белой оплетке, чтобы не выделяться на фоне осенне-зимней Маньчжурии, шел аж до самой передней линии. Там их сообщение примут и передадут в центр, а оттуда уже на ближайшую батарею. Или не ближайшую, а ту, которую можно будет показать японцам... Сколько у них времени? Какое-то древнее чутье говорило, что быстро такое не проверить, но Корнилов-то знал, что это не так.

– Ходу-ходу! – он подбадривал своих, пока они отползали, а потом и отбегали все дальше.

А потом земля затряслась. Японцев накрыло еще до того, как они выпустили хоть одну гранату. Первая кровь за сегодня... Корнилов хищно улыбнулся. Макаров в такое не верил, да он и сам считал предрассудками, но почему-то полковнику очень хотелось, чтобы в день наступления именно японцы первыми понесли потери. Как когда-то Пересвет победил Челубея, и потом была победа на Куликовом поле, так и сегодня его небольшой успех пусть принесет удачу всем остальным.

– Ходу-ходу! – повторил Корнилов, уже переходя на бег, а гул артиллерии над ними не затихал, а становился все громче. Битва за Квантун началась.

Сначала все шло по плану.

По центру японских позиций заработало не меньше десяти полных батарей, и в это же время на правом фланге вперед бросились солдаты подполковника Сомова. Часть выкатила на берег пушки, тут же накрывшие японскую сторону залива тоннами шрапнели, а другие бросились вперед по ледяной тропе, готовясь нарастить ее до вражеского берега.

Прапорщик Тюрин знал, что все это лишь для отвлечения внимания, но все равно на мгновение поверил в реальность атаки. Так слаженно действовала выделенная Сомовым рота. И те, кто на тропе, и те, кто помогал им со спущенных на воду лодок. Попытались ответить японские канонерки, но мины, которые порой ставили по ночам, сделали их осторожными. Вражеские моряки не понимали, что происходит, и просто били издалека, а ледяная тропа становилась все заметнее.

– Может, на самом деле надо нашим вперед идти? – тихо спросил замерший у руля механик Мышкин. Простоватый парень, из городских, мечтал после армии пойти в инженерное и вот смог урвать себе место почти по специальности.

– Японцы слишком долго молчат! – Дроздовский поднялся на своем броневике в полный рост и принялся осматривать противоположный берег в бинокль.

Мгновение напряжения, а потом все закрутилось, словно кто-то отпустил давно удерживаемую пружину. Михаил Гордеевич крикнул связисту, чтобы тот срочно передавал Сомову: их ждут, и нужно срочно отводить пехоту назад, пока не поздно! Сигнал прошел, подполковник даже среагировал, и часть солдат вернулась на берег, но потом... Японцы осознали, что мышка сбегает, и рванули следом.

С того берега ударило около 60 орудий, выбивая очень скромные запасы артиллерии правого фланга и мгновенно превращая мир вокруг в череду вспышек. Тюрин поспешил спрыгнуть под защиту брони и дальше наблюдал за происходящим уже только из-за обзорного щитка. Было жестко, но... Разве не этого они и хотели добиться? Чтобы японцы собрали против них как можно больше сил, отвлекая их с других направлений – так вот они!

– Пушки не бьют по мосту, – в трубке связиста булькнул голос Дроздовского.

Это они, пользуясь тем, что пока броневики стоят на месте, протянули между ними провод, а потом и динамики добавили.

– Что? – переспросил Тюрин.

– Японцы собрали столько орудий, но не бьют по мосту. Получается, они сами хотят им воспользоваться.

– Не может быть, – выдохнул Тюрин, но это было уже лишним.

На вражеском берегу появились целые колонны японских солдат, которые шли по тем самым расширенным дорогам, что они приметили еще вчера.

– Встретим их! Наших тоже немало! – выругался на своем месте Мышкин.

– Не встретим, – покачал головой Тюрин. – Японцы для того и поливают нас с таким остервенением, чтобы никто и голову поднять не мог.

– И что теперь? – Мышкин хлюпнул носом.

А в этот самый момент японцы зашли в море. Вернее, на свой край ледяной тропы! В теории Сомов должен был достроить его лишь в самый последний момент, и эта же пустота должна была уберегать наш берег от контратаки. Но японцы оказались умнее! Они все заметили, они заранее ночью нарастили свой край ледяной дороги и теперь наступали в обход русских укреплений.

– Если наш фланг сметут, то они в спину основным силам ударят, – выдохнул Мышкин.

В этот момент трубка снова заговорила голосом Дроздовского. Приказ по взводу – открыть огонь, разрушить переправу. И действительно! Тюрин оживился: ледяная тропа была вполне по силам их 47-миллиметровым пушкам, надо будет только поправить дистанцию на взрывателях. А на закрытой позиции они тут полдня простоят...

– Сбить опоры! – рявкнул Тюрин, и тут же двое солдат выскочили наружу.

Их укрытие построено так, чтобы съезд на огневую позицию был под углом. Выбиваешь бревна, и броневик сам туда сползает – и никакой заведенный двигатель раньше времени его не выдаст.

– Заряд полный! Огонь!

Первый выстрел, и Тюрин тут же дал корректировку:

– Вправо два деления! Дальность – минус 0.2 секунды!

Они не могли пристреляться заранее, но саму машину, саму пушку знали, как себя, поэтому буквально с третьего выстрела накрыли часть тропы, отсекая японцев. Ледяное крошево полетело во все стороны, вода заревела, взмывая в воздух тяжелыми фонтанами. К черно-белым цветам залива добавился красный, вот только...

– Они все равно идут! – выдохнул Мышкин.

Три броневика разрушили часть тропы, но японцы просто прыгнули в ледяную воду и, подняв вверх руки с винтовками, чтобы не намочить их, все окутанные клубами пара, словно какие-то демоны, устремились к берегу. Их попытались встретить гранатами, но слишком разрозненно – чертовы пушки, не дававшие поднять голову, сыграли свою роль.

– На вторую позицию! – трубка прохрипела голосом Дроздовского.

Тюрин на мгновение опешил, но потом понял. Там совсем другой обзор: они смогут стрелять не только возле берега, но и дальше. А японцы уже сориентировались и грузили на лодки разобранные полевые пушки. Если они усилят себя еще и ими – вообще дело дрянь станет.

«Мусье» Дроздовского, взревев мотором, первым выскользнул на открытое место. Японские артиллеристы, давно пытавшиеся накрыть их, тут же оживились – град снарядов, падающих вокруг, стал гуще. Пока еще далеко от машин, но сколько им еще будет улыбаться удача? Тюрин указал Мышкину вторую дорогу, чтобы врагу снова нужно было пристреливаться... Третий экипаж должен был отправиться по еще одной тропе, но... То ли что-то там заметили, то ли командир просто растерялся, но они поехали прямо за ними.

Слишком заметная и жирная цель!

– Накроет же! – ругался Мышкин.

– Молчи! Сглазишь! – Тюрин просто молился.

Очередной снаряд разорвался прямо рядом с ними, правый край броневика подкинуло на полметра вверх. Машина с противным тягучим хрустом приземлилась обратно, а потом... Сталь на боку раскрылась, словно цветок, и Тюрина отбросило в сторону. Удар о переборку, и он потерял сознание.

Пришел в себя, кажется, в то же мгновение, но... Уж слишком сильно все поменялось. На лбу повязка: затянута крепко и ровно. Рядом – два мертвых тела. Заряжающий и наводчик, Алексей и Михаил. Тюрин сглотнул, немного повернулся и увидел бледного Мышкина, вцепившегося в руль и куда-то гонящего машину прямо по кочкам.

– Что случилось? – Тюрин приподнялся на локте. К счастью, тело слушалось.

– Ваше! Ваше благородие! – Мышкин искренне обрадовался и чуть не разрыдался, рассказывая, что случилось после ранения Тюрина.

У них тогда ранило только его, а вот третий броневик разнесло на части. Еще четыре взвода машин были выбиты целиком – это японские канонерки, наплевав на мели и мины, все-таки подошли поближе и открыли прицельный огонь. Тем не менее, главное их отряд сделал: прикрыли отход пехоты, выиграли так необходимое время. И, наконец, пришел приказ тоже откатываться назад.

– Лешку убило, – хлюпал носом Мышкин, – когда мы на дорогу выехали. Там японцы все-таки перетащили несколько горных орудий и шрапнелью по нашим – прямой наводкой. Ну, Лешка и предложил шугануть их. Снова наших прикрыли, а потом его... прямо в грудь! Мишка встал на его место! Наводил пушку до самого конца, пока снова не пришел приказ отходить... А потом рухнул и затих. Оказывается, он уже давно был ранен, но терпел. До последнего. У меня сил-то только и хватило их уложить, чтобы по-христиански было, но что дальше делать...

– Ты молодец, – Тюрин сглотнул и сжал плечо молодого механика. – Ты сделал больше, чем вообще было возможно!

Он видел несколько сквозных дыр в броне: в одну так даже ящик со снарядами при желании можно было просунуть. Всё остальное тоже в пробоинах, ни одного целого куска, и то, что они при этом были еще на ходу – вот что было настоящим чудом... В этот момент идущий первым броневик Дроздовского начал замедляться, а потом и вовсе остановился.

Почему? Тюрин подошел поближе к одной из дыр в броне, осмотрелся. Взгляд сразу зацепился за балку, в которой можно было укрыться, а дальше... Всего в полукилометре за ней шла насыпь железной дороги. Одна из тех, по которым должны будут отправиться вперед бронепоезда прорыва.

– Жди! – крикнул Тюрин Мышкину и выпрыгнул из броневика.

Покачнулся, но устоял на ногах, а потом бросился к соседней машине.

– Михаил Гордеевич! – тут тоже все было в дырах, и прапорщик сразу разглядел Дроздовского. Живой.

– Живой! – тот словно прочитал его мысли, улыбнулся, а потом кивнул на все еще трещащий помехами передатчик. – А я вот только с Макаровым говорил.

– И что? Пришлют нам подкрепление? – выдохнул Тюрин, но потом увидел взгляд Дроздовского и напрягся. – Не пришлют?

– Нам подкинут пару туземных рот, они тут рядом и скоро подойдут.

– А артиллерия? Броневики? Поезда?

– Макаров сказал, что может отправить поезд. Он встанет за нами и остановит японцев, вот только...

Тюрин проследил за его взглядом. Там, где шла тахтаревка, еще продолжались работы. Если поезд приедет сейчас, то японцы просто разбомбят дорогу дальше, и тут он и встанет. Вместо того, чтобы помочь в атаке, как должен был!

– Если же мы продержимся хотя бы час, – Дроздовский сжал зубы, – тогда поезд сможет помочь нам на ходу, а потом пойдет дальше уже на основную позицию. Понимаешь?

– Понимаю, – просто ответил Тюрин. – Значит, час... Вроде бы не так уж и много!

И в этот момент из-за дальней сопки показались первые японские части. И как же много их было, как же плотно они шли!

Хикару Иноуэ чувствовал вкус победы.

Да, начало выдалось не идеальным. Русские что-то заподозрили и начали отходить, потом и часть ледяной тропы разбомбили, заставив наступающие роты идти вброд. И кто знает, сколько людей сляжет, когда начнет спадать атакующий запал... Вот только подобные мелочи не могли остановить настоящего японского солдата. Они ворвались в окопы, отбросили подавленную артиллерией русскую пехоту. Казалось, еще немного, и они задавят врага, разрежут весь правый фланг на части, возьмут в клещи и...

Не получилось. Всего чуть больше десятка русских броневиков все испортили. И ведь Иноуэ специально подтянул пушки, чтобы их выбить или хотя бы отпугнуть, договорился с флотом о поддержке, но... Командиры этих чертовых машин словно забыли, что такое смерть. Обстрел пехоты на переходе, потом подбитые лодки с горными пушками, которые были так нужны для прорыва второй и третьей линий обороны.

Все эти мелочи, одна за другой, привели к тому, передовые части 12-й дивизии рассекли русские порядки, но вот массы, чтобы превратить прорыв в окружение, им уже не хватило. И теперь было только вопросом времени, когда же враг остановится и в очередной раз даст бой... Снова меткий огонь на дистанции, снова гранаты вблизи и снова машины, прущие вперед, когда одной храбрости не хватает, и нужно добавить немного металла.

Иноуэ подошел к одному из подбитых броневиков. Стальная машина, закопченная от взрывов, и лежащие внутри тела. Неожиданно взгляд Хикару остановился на надписи. Белые буквы на боку машины – у них тоже была такая традиция, послания себе и врагу на бортах кораблей. А вот и на суше для них нашлось место.

– Что значат эти буквы? – надпись была неровной, было видно, что ее рисовали в спешке. Возможно, специально перед этим боем. – Что-то вроде «смерть японцам»?

Иноуэ постарался, чтобы презрительное выражение у него на лице смог рассмотреть каждый из офицеров свиты.

– Никак нет, – возразил молодой штабист, лишь недавно переведенный из Токио как раз за знание языков. – Тут написано «мстим за брата»...

В воздухе повисла тишина, и по спине Хикару пробежали мурашки. Почему-то только сейчас он задумался, а что будет, если русские победят? Если будут мстить до самого конца за каждого, кого потеряли на этой войне? Останется ли после этого хоть что-то от его Японии?

– Идем дальше! – он поморщился, загоняя все страхи поглубже, где они не будут мешать, и решительным шагом направился на вершину ближайшей сопки.

Там была еще одна позиция броневиков. Видимо, та самая, с которой один из отрядов начинал этот бой. Целый котлован, усиленный бревнами, опутанный проводами – как же сильно это отличалось от стоящих в голом поле полков в самом начале войны. И снова Хикару пришлось постараться, чтобы взять себя в руки. Дойдя до самого верха и повернувшись на север, он вытащил бинокль и оглядел позиции перед собой.

Поле, узкая гряда невысоких сопки, а потом рокадные дороги и мягкое подбрюшье всей группировки Макарова. Ему лишь бы добраться до него, и он уже никогда не отпустит такую добычу.

– Там, впереди... – Иноуэ увидел, как два броневика, все что осталось от стальной группировки на правом фланге, остановились на полпути между ним и его целью.

Неужели же то ли съехали, то ли свалились в балку, а к ним словно мясо на скелет начали подтягиваться отступающие части. Еще недавно они бежали, потеряв волю к сопротивлению, но лишь увидели хоть намек на новую линию обороны и тут же забыли про страх... Иноуэ вздрогнул, осознав, как же это похоже на него самого! Вот только это ничего не меняло. Он – японский офицер, он должен победить, и он пойдет до самого конца, чего бы ему это ни стоило.

Обернувшись, он проследил, как на лодках и по остаткам ледяной тропы 12-я дивизия в полном составе перебирается на русский берег. Один рывок, снести эту последнюю жалкую

линию обороны, и тогда они смогут снабжать себя уже по суше. А там и артиллерия подтянется. Если Макаров рассчитывал, что маневры – это его прерогатива, что японская армия снова будет просто стоять на месте – зря!

Неожиданно генерал покачнулся. Сначала показалось, ветер, но потом он понял – это от залпа целой батареи гаубиц, которые русские каким-то чудом подтянули почти вплотную к линии фронта. Ну вот, если все пойдет, как надо – он и до них доберется.

– Огонь! – полковник Афанасьев опять нарушил приказ и лично поехал вместе с поездом-монитором на главную позицию.

По бумагам она проходила как сопка номер 17, солдаты же из-за весьма скромной высоты прозвали ее гораздо проще. Прыщ! И вот за этим прыщом они пряталась, когда вся японская артиллерия начала по ним бить. Вот только японцы били вслепую, большинство пушек, стреляющих только по прямой, были и вовсе бесполезны, а их 8 гаубиц с наводкой от висящих в воздухе шаров... Они в этот момент были подобны ангелам смерти!

Глава 5

Капитан Боресков старался, как его учили дома, всегда держать статью.

– Костя! Шар крутит! – рявкнул и тут же высморкался его напарник, штабс-капитан от артиллерии Николай Николаевич Лисин. Его манеры, привитые и отточенные где-то под Тверью, раздражали и поражали.

Совсем не так Константин Михайлович представлял себе полеты, когда в 1902 году заканчивал по 1-му разряду офицерский класс по воздухоплаванию. Все оказалось гораздо жестче, грязнее, грубее...

– Держу! – Боресков бросил взгляд на флаг на боку аэростата. Поднялся, но еще полещется, играет на ветру – значит, можно удержать.

Капитан повис на рулевом канате, помогая вытянутому словно колбаса аэростату встать по ветру.

– Еще! – закричал Лисин.

– Лучше не будет! – ответил Боресков. – Кто же знал, что ветер так резко усилится. Очень близко к 10 метрам в секунду. Тут хорошо, что мы вообще держимся!

– Отметка 312! Батарея маскируется рядом с деревней! Виден дым от выстрелов! – перестав кричать на Борескова, Лисин перехватил трубку связи с землей и начал кричать уже им.

Ветер свистел, перебивая даже его ор, ледяные брызги намерзали на шар, на руки, на провода и даже на усы. Боресков растер лицо, разгоняя кровь, а потом поспешил снова броситься на канат. Сейчас пойдет обстрел, и Лисину нужен обзор, чтобы корректировать батареи.

– Квадрат 31, перелет, 100 метров назад, 50 метров левее.

– Квадрат 31, перелет, 20 метров назад.

– Квадрат 31. Накрытие. Батарея, шквальный огонь!

Последняя команда была уже лишней, это Лисин просто иногда забывался, что уже не на земле и не командует своими фейерверкерами и бомбардирами. Впрочем, после того, как первую батарею накрыли, и они начали наводить русские пушки на новые цели, реплики Лисина стали короче. На высоте быстро перестает хватать дыхания, да и разрывы японских снарядов словно намекали – нужно побыстрее.

– Пристреливаются, сволочи! – выругался Лисин, когда очередной разрыв разлетелся тысячами осколков буквально в сотне метров перед ними.

– И откуда только эта батарея вылезла? – голос Борескова на мгновение дрогнул.

– Прятали! Специально, чтобы нас достать, прятали, а разведка прозевала!

– Может, сразу на нее нацелить кого?

– После этой. Будем метаться – только артиллеристов собьем и никого вообще не достанем! – ответил Лисин, а потом, проследив за следами попаданий в японском тылу, снова закричал в трубку. – Квадрат 29! Недолет! Повторяю, недолет! 40 метров вперед!

И снова разрыв совсем рядом. Это уже другая батарея, и они выцеливают соседний аэростат. Там командир не выдержал, попытался перевести огонь на ближайшего врага, и, словно наказывая его за торопливость, новый разрыв обрушился прямо на шар. Боресков как раз смотрел в ту сторону и во всех деталях увидел, как пламя вспыхнуло сначала крошечной яркой точкой, а потом, обгоняя осколки, во все стороны рванула огненная волна.

– Ярко ушли! – Лисин на мгновение прикрыл глаза, но через мгновение уже снова орал на землю.

В итоге они добились вторую батарею, потом поразили гаубицу, что работала прямо по ним. Холод, который утром пробирал до костей, сейчас уже перестал ощущаться. А вот влажность повысилась. То ли Боресков вспотел, то ли облака пошли. Капитан просигналил вниз, чтобы их подняли до 800 метров, и видимость разом стала лучше.

– Восемьсот! – крикнул он Лисину, чтобы тот внес корректировку на дальномере.

– Принято, – ответил тот, а потом чуть задумчиво добавил. – А это не по нашу душу, как думаешь?

Боресков свесился и увидел, как около роты японцев двинулись вперед, несмотря на продолжающийся обстрел.

– Вижу что-то за спинами. Думаю, ручные мортиры – значит, точно за нами!

– Рота идет к нам, – Лисин вызвал землю. – Фронт – 150 метров, вышли из квадрата 15. Выйдут на дистанцию поражения минут за 10. Если побегут, то быстрее...

Не успел он закончить, как японцы побежали. Их накрыли сразу с нескольких батарей, но этот отряд вел кто-то опытный. Он умело проложил маршрут между сопок, прикрываясь от картечи, но даже так – их все равно должны были перехватить. Полковник Мелехов оставил рядом несколько рот прикрытия как раз на такой случай. Боресков не удержался и высунулся подальше, чтобы убедиться, что они успеют... И чуть не вылетел, когда всего в сотне метров от них рвануло.

– Это не мортиры! Ракеты! – только и крикнул Лисин, и аэростат закачало от воздушных волн.

Боресков вцепился в перила кабины, не очень уверенно, но повезло. Мокрые перчатки за считанные мгновения примерзли к деревянным поручням и помогли удержаться. Вот только взрывы продолжали греметь. Триста метров от них, четыреста, снова сотня. Боресков сам не заметил, как перекрестился и начал молиться. Лисин тоже что-то шептал себе под нос, правда, почему-то сжимая в руках то ли игрушку, то ли просто комок шерсти.

– Квадрат 29! Накрытие! Прижмите этих гадов! – несмотря на обстрел, Лисин не забывал о главном. И вот, минус еще одна японская батарея. Сколько их осталось?

Снова взрывы. Рядом с ними. Рядом с японцами. Боресков уже не растирал лицо, не думал о том, как выглядит – единственное, что его волновало, это чтобы аэростат не крутило, чтобы Лисин мог передавать координаты... Им перебило телеграфный кабель? Ничего страшного! Достать запасную катушку, один конец скинуть на землю, второй закрепить на передатчике. И снова работать!

Из шести аэростатов, которые подняли утром на первой линии, в воздухе осталось лишь два. И то со второго уронили катушку, так что теперь работали только флажками – слишком долго. А вот они: цель – корректировка – накрытие, цель – корректировка – накрытие... Японский отряд с ракетами снова попытался подобраться поближе, но на этот раз их встретили тачанки с пулеметами, приданные туземным полкам.

– Ни одной машины новой нет, – вздохнул Лисин, а потом рухнул на дно корзины.

– Так их для атаки все забрали, – ответил Боресков и только потом сообразил, что что-то не так. – Ты чего?

Забыв про руль, он бросился к товарищу и принялся осматривать его, пытаясь найти рану, но, кажется, подлый осколок попал как-то хитро.

– Помоги мне, поверну тебя, – Боресков попытался потянуть Лисина на себя.

– Ты чего, Кость? – тот удивленно остановил его руки.

– Ищу, куда тебя ранили.

– Да не ранили меня никуда!

– А чего сел тогда?

– Так все! – Лисин пожал плечами. – Кончились японцы. По центру больше ни одна пушка не стреляет.

– Не стреляет, и хорошо. Так и должно быть. Давай теперь по пехоте наводить!

– Зануда ты, Костя, – пробурчал Лисин, но потом все-таки поднялся на ноги и снова занял свое место.

А внизу к грохоту пушек добавился еле слышный на высоте рев дизельных моторов. Три батальона броневиков, каждый по 54 машины, ползли вперед неустойчивой стальной ордой. А вместе с ними шла вперед пехота. 2-й Сибирский начинал атаковать по-настоящему!

Капитан Славский уже давно избавился от иллюзий. Неважно, как ты идешь в бой – на своих двоих, на коне, на тачанке с пулеметом или даже за броней нового тяжелого «Маньчжура» – все равно ты можешь умереть. Вот и сейчас. Они все рассчитали, подготовили дороги для прорыва, артиллерия и разведчики расчистили им путь, но... Несколько спрятанных японских батарей, несколько новых, подтянутых из тыла на кровавых мозолях и рычащем японском мате – и вот на боках каждой из передних машин появились свежие черные вмятины.

Разрывы шрапнели – неприятно, но совсем не критично. А потом был первый прилет в лоб, и сразу чем-то тяжелым – машину тряхнуло, она немного потеряла ход, но продолжила ползти вперед.

– Второй раз, – механик Сапогов считал удары. – Кучно бьют.

Славский сжал кулаки. Внешний слой брони отражает или даже разрушает снаряд, внутренний вязкий гасит его, не дает трещинам пройти. Первые выстрелы такая защита держит идеально, но вот если попадания идут кучно, меньше полуметра друг от друга, то трещины начинают сливаться в единую сетку. Пять попаданий, и начнется критическая деградация, когда защита «Маньчжура» станет не крепче глиняных китайских фанз. Неприятное свойство новой брони, вот только со старой – их бы еще первый снаряд прошел насквозь.

– Третье попадание, – прокомментировал Сапогов.

– Не вижу, откуда бьют! Но снарядов много, словно сразу несколько батарей сосредоточили огонь именно на нас, – наводчиком у Славского стоял бывший артиллерист Хмуров.

Старый дядька, который после ранения в ногу лишился былой ловкости. Вернее, хромал он на поверхности земли, а вот внутри броневика, постоянно помогая себе руками, он чувствовал себя как рыба в воде или как бандерлог Киплинга в ветвях деревьев. Быстро, свободно, а его точный глаз и легкая рука не раз помогали команде Славского поразить цель с первого-второго снаряда.

– Четвертое... – Сапогов продолжал считать.

– Ваше благородие, может, вам стоит перебраться на соседнюю машину? – а Хмуров нудить.

– Нет! Продолжаем движение, – ответил Славский.

Его потряхивало, и молодому офицеру точно не хотелось, чтобы его броневики повторили судьбу флота. В Желтом море японцы ведь точно так же поступили: били по головному кораблю, чтобы лишить остальных командования и воли к победе. Вот только... Его броневики другие! Не станет его, и ничего страшного: каждая рота, каждый взвод знает свою задачу и все равно ее выполнит. А если он сейчас бегать начнет, то вот такая трусость уже может сломить их волю к победе.

– Ваше благородие! – снова начал Хмуров, вот только неожиданно тяжелые снаряды, которые до этого били им прямо в морду, куда-то пропали.

Вместо них теперь летели шрапнель, какая-то мелочь из горных пушек первой линии и ничего больше. В общем, то, что они могли держать уже без проблем.

– Вернемся, надо будет найти Афанасьева и набить ему морду, – выдохнул Славский. – Слишком долго прикрывал! А потом... Ящик шампанского – каждому, кто нас спас. Все деньги потрачу, но долг верну!

Пользуясь тем, что обстрел ослаб, Славский забрался под крышу обзорной башни и через специальные бойницы с козырьками оглядел остальные машины. Действительно, именно им досталось больше всех: на других одиннадцати «Маньчжурах» были только еле заметные под-

палины, которые даже добавляли шарма этим стальным гигантам. Впрочем, и малые снаряды могли сделать свое дело.

Неудачное попадание в нижнюю часть второго номера, еще и водитель не удержал руль – в итоге машину повело. Правое колесо съехало с расчищенной дороги, и «Маньчжур» капитально застрял, ревя двигателем и с каждой секундой закапывая себя все глубже и глубже.

– Второй! Отставить! – рявкнул Славский на специально выделенной для их машин волне. – Так не выберетесь, используйте бревно!

Мгновение тишины, и короткое «есть» подтвердило, что его услышали. Еще через пару секунд люки на застрявшей машине распахнулись, и наружу выскочили командир «Маньчжура» и заряжающий. Дружно подхватив закрепленное на боку машины бревно, они подтащили его к передним колесам и за считанные мгновения закрепили на специальных крюках...

Славский не мог бы разобрать это на таком расстоянии, но столько слышал раньше на тренировках, что до его ушей будто вживую долетел голос штабс-капитана Гордеева. Оборот! Двигатель «Маньжура-2» крякнул, бревно вместе с колесом пошло вниз, выталкивая машину вверх и вперед. Стоп! Отцепить бревно до того, как оно уперлось в днище броневика, снова закрепить спереди. Оборот! Еще недавно застрявшая без шансов машина снова была на твердой земле и могла двигаться вперед.

– Шестой номер, работаешь вместо второго! Второй – в строй и займи место шестого! – Славский внес корректировки.

Возможно, лучше было бы дожидаться, пока второй вернется именно на свое место, но... Время! Время, которое стоит жизнью на всех остальных направлениях, а каждый из командиров Славского умел атаковать и знал свой маневр на любой позиции. Вот они вышли на прямую наводку, и начали работать пушки. На ходу толку от них мало, но враг нервничает, и уже польза.

Потом они дошли до минных полей – все еще несколько довольно тонких линий, как и раньше. Держащиеся до этого позади «Бори» быстро расчистили дорогу, и снова вперед. Снова на полной скорости, прямо к линии японских окопов. За тридцать метров вперед полетели гранаты от пехоты прикрытия. Если японцы что-то и готовили, то все эти планы были разрушены на корню. А потом к самому краю окопов подлетели броневики.

Тяжелые «Маньчжуры» все так же держались носами к японцам, но это не помешало им повернуть пушки и, словно на полигоне, в упор пройти по японским фестунгам. Бетон, как и положено, держал удар 47-миллиметровых снарядов, но облака пыли и летящая во все стороны серая крошка не давали поднять голову. А там и «Мусье» повернулись боками, поддерживая огнем через бойницы, и пехота залетела в окопы, добивая очаги сопротивления и расползаясь во все стороны.

Один узел обороны, второй... Они еще даже не успели закончить с дальними, когда саперы навели мосты через окопы, и броневики могли продолжить движение. Славский на мгновение бросил взгляд назад. 12 машин стояли без движения... Почти идеальный прорыв, но даже тут без потерь не обошлось. Две машины встали из-за поломок, 6 подорвали связками гранат, три подбили из осадной пушки... Какой-то японский лейтенант смог восстановить подбитое в начале боя орудие, а потом в упор, один за другим, разрядил его три раза. А еще одного «Маньчжура» японцы просто взяли на бордаж! Облепили, выломали люки и штыками перебили всех внутри...

Кровавая баня!

Княжна Гагарина смотрела, как прибывают новые раненые. Вдалеке было слышно грохот орудий... По регламенту основные госпитали нельзя было ставить так близко к линии фронта, но Макаров сказал, что они не проиграют. Зато сколько людей спасут, если почти всех можно будет отправить на операционный стол в течение часа!

– Ваше сиятельство, – молодая сестра из новеньких прибежала с новостями. – Раненых, что привезли с правого фланга на «буханках», уже разместили. Сейчас занимаются теми, кого доставили из центра на поезде, но...

– Что там? – нахмурилась Татьяна.

– Там около 10 человек из броневигов. Все в ожогах. Карл Степанович говорит, что при ожогах больше 15 процентов не выжить, а там все хуже...

– А Карл Степанович не забыл про инструкции, как действовать при ожогах, которые им специально спускали перед боем? – княжна вскинула голову и быстрым шагом направилась в приемное отделение.

Какой уже это раз? Приезжает новый доктор, привозит свои столичные привычки, и пока кулаками и добрым словом не вобьешь в него, как именно принято лечить во 2-м Сибирском, все пытается делать по-своему. Фразу про кулаки и доброе слово как-то сказал Вячеслав Григорьевич, он же привез и приказал отработать методику лечения ожогов. Давать обезболивающее, не допускать обезвоживания, при необходимости делать переливание крови, убирать некротическую ткань – ничего сложного, но они так уже вытащили несколько солдат, которых раньше бы признали безнадежными.

И теперь вытасят.

– Карл Степанович, говорят, вы решили саботировать работу моего госпиталя? – Татьяна зашла в палату и так посмотрела на новенького, что тот, несмотря на возраст и пару лет волонтерства в Южной Африке, вздрогнул.

Репутация княжны в медицинских кругах была устрашающей, и она не стеснялась пускать ее в ход ради пользы дела... Тут взгляд девушки упал на раненых, и узкая полосочка губ тут же превратилась в ласковую улыбку.

– Держитесь, ребята, – подошла она к ближайшему солдату 2-й бронированной роты, присела и погладила его по горячему лбу. – Вы сделали все, что можно и нельзя. Теперь наша очередь.

Стою, смотрю то ли на поле боя, то ли куда-то в пустоту.

Потери на начальном этапе операции оказались даже ниже расчетных, но все равно, как же сложно привыкнуть к бесконечной веренице с ранеными и телами, идущими в тыл. Еще и этот прорыв 12-й дивизии Иноуэ чуть не смешал все карты! Хорошо, что офицеры Мелехова при поддержке небольшого отряда броневигов смогли задержать их своими силами.

Полчаса они простояли почти в открытом поле и дали так жизненно необходимое время, чтобы спасение фланга не остановило основную операцию. Железную дорогу до 4-й позиции закончили с опережением срока, и восемь платформ с осадными орудиями, которые были так нужны на передовой, отправились вперед. Получилось идеально. Японцы, бросившие все силы на прорыв, оказались просто не готовы к такому огню. А там и конница Врангеля прошла по их тылам, выжигая припасы и неосторожные батареи, отбившиеся от основных сил.

После этого 12-я дивизия еще оставалась грозной силой в очень неудобном месте, но в то же время мы фактически лишили их возможности двигаться дальше. А добивать? Можно и потом... Сейчас, главное, прорвать фронт.

– 13:00, – Лосьев напомнил о времени.

Сколько уже прошло с начала боя? Получается, восемь часов? Все наши успехи на фоне такой бездны времени сразу начали казаться гораздо скромнее.

– Первая линия обороны прорвана. Начали штурм второй, но японцы подтягивают резервы, – Ванновский передал информацию от наблюдателей.

– Западный и центральный отряды Бильдерлинга и Зарубаева тоже открыли огонь. 1-й корпус поддержал нас атакой, но у них пока без особых успехов.

Сражение начало затягиваться, а это значило, что пора вводить в дело резервы и задействовать все наши возможности.

– Начинаем операцию на левом фланге, и передавайте сигнал в Порт-Артур. Пришло время, – я на мгновение прикрыл глаза, пытаясь почувствовать рисунок боя.

Мы давили, я видел, что мы можем победить и так, но заканчивать сражение, а то и всю войну, оставшись без армии – это совсем не то, чего я, чего мы все ждали от этого боя.

Глава 6

Левый фланг с моей наблюдательной позиции было почти не видно, приходилось ориентироваться на доклады с шаров тыловой линии. Те, что на передней, продолжали работать исключительно на артиллерию и атакующие части, а вот эти могли и обстановку в целом передать.

– Рельсы заведены в море, начат спуск понтонов...

Я сжал кулаки. Естественно, сами поезда в море не заезжали, останавливаясь еще на твердой земле, но пару платформ, которые не жалко, мы загнали прямо в прибрежные волны Корейского залива, а дальше понтоны прямо по ним отправлялись в воду. Десять вагонов, на каждом по два девятиметровых понтона на бревнах. Огромная масса, если сгружать вручную, но если поезд правильно остановить, то инерция движения сама отправит их по направляющим. Оставалось только чтобы саперы на лодках успели их зацепить и направить в нужную нам сторону.

– Первая секция встала, – новый доклад. – Подходит второй поезд...

И опять тянутся томительные минуты. Уже слышно грохот пушек японских крейсеров, которые пытаются помешать нашей стройке на пределах дальности своей артиллерии, однако попасть на 10-12 километрах, да еще в такую низкую цель, почти нереально. Японцам могла бы помочь разве что удача, но бог сегодня был на нашей стороне.

– Вторая секция встала, саперы Галицкого успели состыковать их прямо на ходу...

– Дольше, чем с первой работали, – заметил я.

– Волны от взрывов качают понтоны, пришлось цеплять правый ряд канатов к поезду и немного маневрировать, – тут же добавил деталей Лосьев.

И снова ожидание. Секунды, минуты, часы пробили два. Час с начала второго этапа наступления.

– Правый фланг? – уточнил я.

– Дивизия Иноуэ блокирована. После того как Врангель пожег их тылы, отступили и пытаются перегруппироваться.

– По центру?

– Внутри японских позиций у нас дорог нет, а слякоть из снега и грязи там точно такая же, как и везде. Тяжелые «Маньчжуры» очень тяжело идут, а без них... «Мусье» помогли захватить уже 4 фестунга, и мы контролируем около километра второй линии укреплений, но... Легкие броневики японцы выбивают, поэтому пока медленно.

– Левый фланг?

– Шестую секцию не смогли зацепить, улетела в море... Работаем!

Я кивнул. У меня еще есть резервы, которые можно было бы кинуть на каждое направление, но... Слева еще рано, по центру – сейчас, пока японцы стоят крепко, там можно сжечь без пользы любые силы, а справа... Просто жалко. 12-ю дивизию мы сможем добить и потом, а каждый, кто будет брошен туда, уже точно не успеет потом поддержать прорыв. Если он будет.

Черные мысли закружились над головой.

– Японцы подтянули новые батареи на свой правый фланг. Огонь по понтонам усилен!

Проклятье! Мы должны были испугать их прорывом броневикулов Славского, но они все равно рискнули разделить свободные пушки. И главное, сопротивление по центру не стало ни капли слабее. Или нам только хотят это показать? Я прислушался к себе... Ничего.

– Прекрасно, – я постарался, чтобы голос не дрогнул. – Скажите Шереметеву, чтобы вводил в бой 4-ю дивизию. От броневикулов теперь работаем только по узлам обороны, обычные окопы пусть оставят штурмовым частям.

– Может быть, усилим? – предложил Лосьев.

– Все снайперские команды Буденного передайте в центр...

И снова ожидание. Грохот снарядов, треск промерзшей земли, людские крики. Сейчас гибло гораздо больше солдат, чем раньше, но... На этот раз я почувствовал: японцы тоже растерялись, они не знали, куда именно кидать резервы. И вот, наконец-то, с левого фланга пришел доклад, которого я так ждал.

– Понтоны встали! Первый взвод броневиков капитана Зубцовского зачистил берег. Начинается высадка пехоты.

Я выдохнул. Еще один кирпичик этого сражения встал на свое место.

– 12-я рота прикрытия броневиков переправилась. Отряд «Зорге-244» переправился и уходит в японский тыл.

Еще один выдох. До слуха долетело – кто-то из помощников Брюммера спросил у другого, а кто такой Зорге и почему 244. Естественно, ему никто не смог ничего сказать, потому что ответ в этом времени знал только я. Тому самому Зорге сейчас всего лишь девять, и о своей судьбе легендарный разведчик Советского союза, работавший как раз в Японии, только времен Великой Отечественной, пока даже не догадывался.

Впрочем, кое-кому мне название объяснить все же пришлось: надеюсь, получилось не слишком натянуто.

– Вперед! Вперед! Вперед! – Янь Сюнь вел две свои роты, стараясь, чтобы они как можно быстрее оторвались от точки высадки.

Конечно, он предпочел бы идти вперед в своем настоящем мундире, но в то же время план, предложенный Макаровым, не казался уроном чести. Да и название... Янь спросил у русского генерала, что оно означает, и тот рассказал удивительную историю из невероятно далекого прошлого. Гремела жесточайшая война того времени, родина генерала сражалась против страшного врага на западе, чьи армии почти дошли до ее столицы. При этом у русских были силы на востоке, которые можно было бы использовать для защиты, но тогдашний царь не знал, а не нападут ли на них еще и с той стороны.

И вот тот самый Зорге сумел не только внедриться в правительство врага с востока, не только узнал, что тот пока не планирует нападать и, более того, готовит совсем другую военную кампанию, но и сумел добыть доказательства этого. Ему поверили, дополнительные войска перевели на запад, столица была спасена, и враг остановлен. Увы, самого Зорге сумели поймать и казнить, и в том числе поэтому у его отряда такой номер. Двойка – в честь 2-го Сибирского, первая четверка – в честь готовности умереть за правое дело, вторая четверка – в знак смерти уже врага, который посмел встать у них на пути.

Достойное название, сильные знаки. Янь Сюнь в очередной раз убедился, что не зря выбрал для себя и своей родины именно таких союзников. И именно в этот момент японцы показали, что про них еще рано забывать. Отряд «Зорге» только добежал до ближайшей вершины, когда на прорыв к берегу пошло около батальона самураев. Воспользовавшись тем, что русские еще не успели окопаться по всему периметру, они прорвались сами и подтянули на телегах почти десяток горных пушек.

– Будут окапываться? – спросил у своего командира Су Ювей, молодой помощник Яня.

– Нет, – опытный маньчжурец уже все понял. – Они пришли сюда умирать...

И действительно, японцы словно и не собирались думать об обороне. Прикрывая себя только винтовками и штыками, все орудия они развернули в сторону моря. Небольшие горные пушки обычно не могут разрушить ничего серьезного даже с фугасными снарядами, но сейчас... Они были слишком близко к цели. Залп! Второй залп!

С третьим они не успели. 12 броневиков, первыми переехавшие на японский берег, развернулись и накрыли их из своих скорострельных пушек. Тоже не особо мощные, но на откры-

том пространстве каждый их снаряд забирал с собой то оружие, то пару японцев. Целый батальон таял на глазах, но те умирали с криком «Банзай!» на губах.

– Фука иляхун! Чтобы их пес подрал! – выругался Ювей, глядя, как с разбитых японскими пушками понтонов сползают в море сразу три броневика.

К счастью, их экипажи успели выбраться, но разом стало очевидно: если пехота еще сможет перебираться на японский берег, то вот машинам в ближайшие часы на переправе делать нечего. И будет ли у русских время, чтобы восстановить свой мост? Если японцы ударят покрепче и сомнут тот небольшой отряд броневиков, то и остальным уже точно не устоять. Их просто не успеет собраться достаточно, чтобы сдерживать разворачивающиеся японские полки.

Янь Сюнь неожиданно понял, что их тоже уже никто не прикроет, и первая четверка оказалась гораздо реальнее, чем он мог подумать.

– Что же они делают? – рядом снова выругался Ювей.

– Кто? – Янь Сюнь проследил за его взглядом и тоже не сдержался.

Небольшой отряд русских броневиков вместо того чтобы окапываться, пытаясь выиграть своим такие драгоценные минуты и секунды, раскоцегарил свои двигатели на полную и рванул вперед.

– Они атакуют. 12 машин и рота поддержки против целой армии! Они сошли с ума? – Ювей посмотрел на своего командира и наставника, словно сомневаясь, а ту ли сторону они выбрали.

А сам маньчжурец неожиданно вспомнил все те разборки самых разных ситуаций, что проводил с ними Макаров. И он ведь вправду ничего не имел против отступления, спасения своих солдат, даже всегда хвалил за подобные решения, но в то же время он говорил и другое... Когда у тебя нет места для маневра, когда тебя прижали к какой-то преграде, ты уязвим. Враг всегда найдет пушки мощнее, чем у тебя, и просто расстреляет издалека. Если же пойти вперед, но не переть бездумно, а управлять своим маневром, то уже только ты будешь выбирать время и дистанцию для боя.

– Они готовы умереть, но они точно не сумасшедшие, – покачал головой Янь Сюнь. – Герои.

– Просто бы окопались. Пока бы их расстреливали, другие успели починить мост.

– Японцы бы расстреляли и броневики, и мост. 37 и 47-миллиметровые пушки – это совсем не то, что позволило бы удержать их на безопасном расстоянии. Нет, капитан Зубцовский все сделал правильно. Движение – это его единственный шанс защитить переправу. Ударить так, чтобы врагам точно стало не до нее.

– Тогда и мы...

– Все верно! Мы тоже не будем жалеть себя! – рубанул рукой Янь Сюнь, и отряд «Зорге-244» снова побежал вперед.

На ходу роты разделялись на взводы, те на отдельные пятерки. Каждый знал свой путь, свою задачу. Кому-то взять под огневой контроль дорогу, кому-то уничтожить мост, кому-то просто идти по тылам и кричать, что русские прорвались и надежды нет... Каждый в отряде был добровольцем, каждый сказал, что готов умереть, и теперь они все знали, что это правда.

– Уже три часа дня, – тихо сказал Кондратенко, стоя у амбразуры старой китайской крепости прямо напротив центральной дороги, идущей сквозь весь Квантун.

Когда-то японцы попытались именно тут прорвать укрепления Порт-Артура, но их отбили, и постепенно боевые действия сместились на фланги. На ту же гору Высокую или высоту 203...

– Роман Исидилович, – тихо позвал генерал-майора подполковник Науменко, – вы точно уверены, что нам будет лучше всего атаковать японцев именно в лоб?

– Макаров считает, что лучшие японские части на флангах, а тут... Отдыхающие, отряды попроще, те, кто на ротации.

– Возможно... Но все же – бить в лоб...

– Я тоже считаю, что это лучшая возможность, – твердо ответил Кондратенко. – Тем более, наша задача – не просто прорваться, а еще и нанести удар по тем, кто сейчас сдерживает наши главные силы на границе Квантуна. А для этого нам нужна дорога.

– Где каким-то образом для нас вырежут японские патрули... – снова усомнился Науменко. – Я тоже верю в Макарова, но он все же не всесильный.

– Посмотрим, – просто ответил Кондратенко.

Разговор затих, на часах отмерило уже 17 минут четвертого, когда над центром Квантуна неожиданно взвились вверх две красные ракеты. Один из возможных сигналов, что они так ждали. Две зеленые значили бы, что пробиваться придется силой, желтые – отмену операции, а вот красные... Красные говорили о том, что все получилось.

– Если японцы перехватили наши переговоры и сейчас заманивают в ловушку, то сейчас все ляжем, – Науменко сглотнул, но, даже не дожидаясь ответа, отправился к своим солдатам.

– Выступаем! – отдал приказ Кондратенко, и вестовые полетели передавать его всем затаившимся вдоль линии фронта отрядам.

Конечно, все и так видели сигнал, все заранее знали, что делать, но Кондратенко предпочитал перестраховаться. Тем более что с ним сегодня в бой шло столько людей. Стессель выделил для атаки всего 6 тысяч, но еще 3 тысячи моряков наплевали на его приказ, и Кондратенко не стал им отказывать. Еще где-то полторы тысячи подтянулись из госпиталя. Те, кто уже почти выздоровел, но кого еще не успели перевести обратно в боевые части.

Итого больше десяти тысяч солдат, в полтора раза больше, чем Кондратенко рассчитывал и о чем успел рассказать Макарову. А еще у них был поезд и два вагона, забитых снарядами и пушками! Ориентируясь на опыт победных сражений, Кондратенко постарался выжать все из того, до чего мог дотянуться.

Грохот взрывов! Это на японские позиции обрушился удар самодельных гранат. Они не использовали пушки, чтобы не всполошить врага раньше времени – просто подлетели, оглушили, приняли в штыки и... Японцы побежали! На позициях по центру действительно оказались не лучшие их части.

– Ура! – кричали солдаты, которые так соскучились по победам.

– Полундра! – ревели моряки, втыкая штыки в растерявшихся врагов и мстя за свои потерянные корабли.

Генерал-майор Кондратенко смотрел на потрепанные разномастные мундиры, потерянные винтовки и в то же время такие слаженные атаки. Гарнизон Порт-Артура шел в атаку.

Ругаюсь, мысленно бьюсь головой о стену.

Называется, выучил офицеров себе на голову! Сначала японцев, которые, вон, догадались бросить батальон на убой, но сорвать нашу переправу. Потом своих, которые плевать хотели, что остались с 12 броневиками и ротой прикрытия фактически в окружении, и пошли в атаку. Вообразили себя лисами пустыни? Раздражает!

– Есть новости с левого фланга? – спрашиваю и уже знаю ответ.

– Нет. Отряд Зубцовского сейчас в низине, и японские глушилки там совсем рядом – ничего не пробивается, но... Там еще точно стреляют! И наши продолжают подтягиваться на ту сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.